

Латиноамериканская тюрьма

Внезапный арест

В апреле одна моя знакомая в Аргентине сказала мне, что у нее есть связи в миграционной службе. А у меня как раз затянулся процесс получения вида на жительство. Я давно его должен был получить, но не складывалось: путешествовал из города в город, не успевал этот вопрос добить. К тому же, могли возникнуть сложности из-за моей ситуации в России. В общем, спешить было некуда. Но тут знакомая говорит, что у нее есть приятель в нужной службе, и мы можем всё ускорить. И я согласился.

21 апреля, в мой день рождения, мы пошли в миграционную службу. Я протянул в окошко паспорт и остался ждать указаний, что нужно делать дальше. Время шло, люди начали расходиться, соседние окошки закрывались... Я остался один в зале. Заволновался – почему мне не отдали паспорт, почему так долго не отвечают? Понял, что это связано с Москвой и ушёл из отделения, оставив паспорт у них.

Я понимал, что если опасения подтвердятся, то забрать паспорт обратно я не смогу. Что будет дальше – не ясно. Вот такой получился день рождения. Ребята присылали поздравления, а я отвечал общими фразами. Не хотелось их тревожить заранее и говорить о своих проблемах.

Утром следующего дня к дому приехала полиция. И меня арестовали. Зашли в дом, надели наручники и отвели в машину. Затем увезли.

В полицейском участке меня приковали к какой-то металлической трубе. Несколько часов я просидел прикованным, пока на меня заполняли документы. Я решил воспользоваться правом на звонок и позвонил знакомой, попросил приехать, чтобы она помогла мне понять, что происходит. Знакомая

– украинка, но хорошо говорит по-испански, в отличие от меня. Приехала с адвокатом. Сказали, что меня разыскивает Интерпол.

А через несколько часов меня отправили в тюрьму. В наручниках, в антиковидной маске меня завели в специальное помещение. А я отдал им вещи: ремень, шнурки, цепочку с крестиком...

Это оказалась не совсем тюрьма, а как бы перевалочный пункт – что-то среднее между нашими СИЗО и ИВС. Два в одном. То есть, здесь находятся и люди, которые задержаны за мелкие нарушения на 15-30 дней, и те, кто проходит по тяжёлым статьям.

Помещение, где я оказался, разделено на секторы. Каждый из секторов делится на четыре блока, а блоки, в свою очередь, на четыре зала. Один зал, метров в двадцать пять, заставлен восемью двухъярусными кроватями. Металлическими, без постельного белья, без всего. Во втором, тоже метров двадцати пяти размером, стоит уже десять двухъярусных кроватей. Между залами маленькая смежная площадь, метров в шесть – там стол, а вместо стульев перевернутые вёдра. Грязные полы и старый ламповый телевизор у стены. Это – общее помещение. Здесь можно проводить какое-то время в течение дня, смотреть телевизор, играть в вырезанные из пачек сигарет карты, или в домино, вырезанное из пенопластовых тарелок. На ночь эти два зала и столовая закрываются.

Подъём в тюрьме в 7 утра, в 22 – отбой. Когда камеры открываются, всех выводят на перепись и утренний туалет. Каждое утро и вечер идёт переключка, затем свободное время, в течении которого люди либо спят, либо общаются между собой.

В первый день, когда я сюда попал, у меня не было с собой ничего. Ни вещей, ни еды, ни умывальных каких-то принадлежностей. Это был вечер пятницы, примерно восемь часов, может, позже. Время ужина уже прошло. Но кто-то из заключённых принёс мне запасы – пластиковую тарелку с вилкой, какую-то еду, непонятную, невкусную. Но я не ел целый день – до прихода полиции

не успел, а потом не было возможности. Так что пришлось хоть чем-то заполнить желудок.

В тот же вечер я снова начал курить. До этого не курил 11 лет. Стрельнул у заключённых сигареты, пока вокруг меня собиралась толпа. Они пытались расспросить, кто я и откуда. Но общаться было тяжело – все говорили на испанском, а я объяснялся жестами и отдельными фразами...

Фармацевт Чарли

И вот я оказался в новой реальности. Не понимал ничего и не только потому, что плохо говорил по-испански, но и потому что до конца не мог поверить, что все происходит наяву, а не в кошмарном сне.

Я был первым русским, попавшим в эту тюрьму. И меня сразу окружила толпа заключенных: спрашивали про войну, про то, чем занимаюсь, почему оказался здесь. А потом ко мне подбежал Чарли. Мой первый знакомый в аргентинской тюрьме.

Он был пожилой, невысокого роста, худощавый и юркий. Аргентинец, с внимательным взглядом – он, казалось, следил за всем, что происходит вокруг. Чарли дождался, когда я проглочу безвкусный ужин и жестами пригласил идти за ним. Отвел меня в камеру, показал, где мне спать. Я уже не помню, как это вышло, но он устроил меня на соседней койке рядом со своей.

В кино показывают, что в тюрьмах выдают спецодежду, костюмы, или специальные комбинезоны. Здесь ничего такого не было, каждый надевал свое. У меня оказалась футболка с надписью MMA UFC, но Чарли не дал мне ее надеть – объяснил, что это может спровоцировать других заключенных и довести до драки. Вообще, на одежду в тюрьме было много ограничений.

Нельзя было носить черное, например. Или вещи с надписями – к ним могли придаться, и возник бы конфликт. Поэтому Чарли раздобыл для меня где-то

однотонную футболку, и пришлось надеть ее.

Спальное место в камере представляло собой двухъярусную металлическую кровать, как в детской больнице или пионерлагере. В нашей камере было семь кроватей. Я, получается, занял последнее свободное место. Забегая вперед, скажу, что бывали ситуации, когда мест не хватало, и новым заключенным приходилось спать на полу.

На моей металлической кровати был какой-то матрац. Старый, грязный. И одеяло – грубая-грубая шерсть, как валенки. Очень жёсткое. Грязное, с дырками. Чарли нашёл мне ещё одно одеяло. Я использовал в качестве подушки, обернув вокруг него свою куртку изнанкой наружу, чтобы можно было положить на него голову.

Время было около десяти вечера. Пришли полицейские с криками «Листалиста!», что означает «перепись». Все заключенные собираются в камере, обе решетчатые двери закрывают. Затем, открывают одну, и выпускают всех в зал, где нужно построиться в шеренге. Идет перекличка, заключенные, кого отметили, могут вернуться в камеру. Так проходит тюремная перепись, два раза в день.

Я вернулся в камеру и Чарли попытался со мной заговорить. Быстро понял, что я плохо понимаю по-испански и старался говорить коротко, заменяя отдельные слова жестами. Рассказал мне, за что сидит. Он фармацевт и по отдельным словам, я понял, что у него произошёл конфликт с арендатором, который не платил деньги за жильё. Чарли его ударил, тот написал заявление в полицию и Чарли задержали.

Рассказал и про своих собак, у него пара ротвейлеров. Одного назвал Калинка, потому что очень любит русскую песню «Калинка-малинка».

Когда день закончился и все разбрелись по койкам, Чарли указал мне на трех персонажей. Это – старшие в нашей камере. Один из них большой афроамериканец. Плохо помню имена с того времени. Ещё один по виду

такой... неоднократно судимый. А последний был из тех невыразительных людей, кого сложно отнести к какой-либо категории. Обычно такие бывают довольно опасными – их трудно запомнить.

Как только я прилег на койку, сразу провалился в сон. Всю ночь мне виделись какие-то яркие образы, персонажи, события. Я ничего не запомнил, но когда проснулся, подумал, что мои сны ночью были намного красивее, чем реальность, которая меня окружала. До тюрьмы не помню, когда последний раз видел сны, и сейчас снова перестал их видеть. А там, начиная с первой ночи, мне виделись люди, события – как альтернативная жизнь, которую проживал во сне.

В камерах были окна. Маленькие, как в подвалах. Местами стёкла разбиты. Снаружи решётка. Я очень боялся заболеть, потому что не понимал, как в тюрьме лечиться. Конец апреля, в Аргентине это осень. По ночам из окон сквозило, было холодно. Иногда ветер задувал прямо в камеру...

Связь с внешним миром

Конечно, все это время я не переставая думал о семье. Собственно, все мои мысли были посвящены только жене и детям. Я почти не переживал о себе: что я поем, какя буду спать, что произойдет со мной завтра в этой новой реальности. Но постоянно думал о будущем моих родных. Как они справятся, если я застрянуздесь надолго? На что будут жить?

Жена узнала о моем аресте, только когда меня уже увезли в отделение. Я хотел позвонить ей сразу же, но мне не разрешили. Потом уже приехала Надежда с адвокатом, мы спросили, можно ли ей воспользоваться телефоном? Ей разрешили. Она набрала номер и включила на телефоне громкую связь. Я сидел в каком-то кабинете, прикованный наручниками к металлической трубе, и кричал в трубку жене о том, что случилось. Не помню точно, о чем тогда мы говорили, что я ей сказал, что она ответила... помню, что разговор был эмоциональный и дальше я сказал: буду пытаться

связываться с тобой.

В тюрьме, в общем зале, который служил то столовой, то комнатой отдыха (хотя, какой отдых за решеткой?), на стене висел старый телефонный аппарат. Он стал для меня точкой связи с другим миром, тем, где остались мои родные. Звонить можно было только по карточке, и только на аргентинские мобильные. Я попал в тюрьму накануне выходных, когда передачи не принимали, и мне нужно было провести эти два дня без связи с внешним миром. Но меня снова выручил Чарли. Он отдал мне свои телефонные карточки и помог дозвониться до Натальи. Там была сложная для меня система: нужно было набрать номер, прослушать длинное-длинное сообщение на испанском, затем ввести номер карты, нажать единицу, и только после этого набирать аргентинский номер. Чарли проделывал все эти операции и передавал мне трубку, когда уже шли гудки. Он же договаривался с другими заключенными, чтобы выгадать мне время для звонка, поскольку к телефону всегда была длинная очередь.

Поначалу, я наговаривал Надежде длинные сообщения для жены, которые она затем ей отправляла. Но ответ я мог получить только на следующий день, поэтому связь была с большими паузами. Но уже через несколько дней я придумал другой способ: звонил на мобильный Наталье, она на втором телефоне набирала жену, включала оба на громкую связь и подносила друг к другу. Так мы с женой могли говорить друг с другом.

Можно было бы подумать, что в тюрьме, где столько свободного времени, меня охватит тоска по близким и я буду вспоминать наши счастливые моменты. Но на самом деле, сил на сентиментальные чувства у меня совсем не было. Я действительно думал о семье каждую свободную минуту. Но думал жестко, по-звериному – как спасти их шкуры и не дать им умереть с голода. Я чувствовал, что семья – это часть меня, и она для меня важнее, чем я сам. Выживание семьи для меня было важнее, чем собственное. И это не были сантименты, это было по-животному.

Так и складывались наши разговоры с женой. Мы не тратили время на обсуждение чувств, больше говорили по технической части. Она спрашивала, что нужно сделать. Я обдумывал ситуацию и просил позвонить разным людям, моим знакомым в Москве. У меня была знакомая женщина-адвокат, с которой я раньше не работал, но был заочно знаком и наслышан о ее успехах. Я попросил Надежду, чтобы она в моей записной книжке нашла ее номер и отправила жене. Та с ней быстро связалась. Но мы не знали, что будет дальше. Думали, что скорее всего меня отправят на родину. Это называется экстрадиция.

О чём говорят мужчины?

Детям о том, что произошло, мы не рассказали. Не рассказали и моему деду – ему исполнился 91 год, боялись травмировать его такими новостями. О том, что я в тюрьме, знали только жена и мой брат – ей нужно было с кем-то это обсуждать. Ну, и рассказали каким-то знакомым, к кому мы обращались за помощью.

Один такой знакомый был готов посодействовать за определённую сумму, но он ничего конкретно не предложил, сказал только, что может дать мне информацию по делу. Но сама по себе информация не имела цены, ситуация могла измениться в любую минуту.

Из-за этого мы поспорили с женой. Она считала, что лучше заплатить, потому что надо хоть что-то делать. А я не видел смысла.

Был такой фильм «О чем говорят мужчины». Там в виде шутки задавали очень важный вопрос: вот если завтра к тебе придут фашисты и направят на тебя автомат, о чем ты будешь думать, что ты скажешь, если можно будет говорить только правду и ничего кроме нее? В тюрьме я часто вспоминал эту сцену. И понимал, что направь на меня фашисты автомат, думать и говорить бы я стал только о жене и детях. Потому что они – самое главное, что у меня в жизни

есть. И мне действительно было очень страшно за них, страшнее, чем за себя.

Я думал: вот, меня закроют здесь на год-два в ожидании экстрадиции... может, будет и быстрее, но всё равно... потом привезут в Россию и закроют там. Все это может вылиться лет в семь. А что за эти семь лет станет с моей женой и детьми? Я их не увижу, не услышу. Моей старшей дочери сейчас восемь, через семь лет ей будет 15, и кем я буду в её жизни? Что у неё будет происходить? Как они вообще будут жить, у них ведь осталось там совсем немного денег, которые закончатся очень быстро...

Отчасти поэтому, когда знакомый попросил несколько миллионов за то, чтобы просто прислать информацию, я был категорически против. Потому что это серьёзный удар по бюджету без всяких гарантий.

Я уже был готов принять, что тюрьма – это моя новая жизнь, если бы знал, что семья в безопасности. Мне было бы проще примириться с этим. Все время думал: «нахера я попёрся в эту миграционную службу? Одним неверным шагом поставил под удар не только своё будущее, но и будущее своей семьи!» Я чувствовал свою вину.

Забегая вперёд, скажу, что решение моего вопроса потребовало больших денег. И жена не стала мне говорить, каких именно. Она общалась с аргентинскими адвокатами, и сама приняла решение. Я понимал, что пытаться её не могу, потому что у меня и так связь с ней очень-очень тонкая, через два телефона. И если я начну её допрашивать и расспрашивать, она может просто положить трубку.

Чистота - залог здоровья

Первым моим полноценным днём в тюрьме была суббота. По выходным в тюрьме активности меньше, потому что нет посещений. В распорядке дня отличий между буднями и выходными не было. Как и всегда, в 7.30 нас разбудили криком «листа» - перепись, после этого все вернулись в камеры.

Но двери уже не заперли, оставили открытыми. Можно было из одной камеры перейти в другую или остаться в смежном помещении, где были телевизор и стол.

Поскольку в выходные ко мне никто не мог прийти и принести что-то, я остался почти без вещей. Спасибо Чарли, который поделился со мной зубной пастой, правда, без зубной щетки. Геля для душа у меня тоже не было, его заключенным не выдавали.

Но я понимал, что очень важно в таких условиях соблюдать гигиену – нет возможности менять одежду часто, и нужно быть в порядке, чтобы еще и это не влияло на психологическое состояние.

И тогда я отправился в душевую – старое помещение, с фаянсовыми раковинами со сколами, с закрепленными вдоль стен кранами с распылителями...

Было во всем этом что-то советское, из детства – напоминало то ли школьную душевую в спортзале, то ли больничную. Там не было грязно, но и чистота тоже не ощущалась. Посмотрев внимательно по сторонам, я нашел огрызок хозяйственного мыла. Им мне и пришлось мыться ближайшие два дня, используя его и как гель для душа, и как шампунь. Зубы почистил пальцем. По правилам тюрьмы, ограничений на водные процедуры не было – можно было приходить сюда хоть по нескольку раз в день. Но была другая сложность – горячую воду давали не всегда. Наступала осень, и принимать холодный душ хотел не каждый, поэтому здесь почти всегда было свободно.

Но меня это не остановило, я понимал, что важнее соблюдать чистоту, поэтому мылся регулярно. Другие заключенные даже приходили посмотреть на «закаленного русского».

Через полчаса после подъема и переклички нам принесли завтрак. Теплое мате в большом бидоне и булочки. Подавали все в посуде из пенопласта – мягковатой, с толстыми стенками. Я плохо помнил вчерашний ужин, мне

показалось, что он был совсем безвкусным. Думал, что и на завтрак принесут какую-то невнятную баланду. Но оказалось, что в аргентинских тюрьмах кормят не так уж плохо, хотя кто-то из заключенных жаловался, что вот, мол, в тюрьмах Буэнос-Айреса еда намного вкуснее...

Я не знаю, чем кормят в российских тюрьмах, но здесь нам давали вполне человеческую еду. На обед (он был в 12:00), как правило, была паста или лазанья, иногда давали стейки или запеченную курицу. В 17:00 полдник – давали то же, что и на завтрак, мате и булочки. Ужин, который проходил в 19:00, как правило, был похож на обед.

Раздавали еду по специальному алгоритму. Еду приносили в больших кастрюлях и оставляли в маленьком коридоре, сразу за входной дверью в тюремный блок. Там уже эти кастрюли забирали сами заключенные – двое, или трое человек, - и раскладывали еду по тарелкам, для остальных.

Поначалу я боялся, что время в тюрьме будет тянуться бесконечно. Заняться особо нечем – язык я знал плохо, не мог ни читать, ни поговорить. Но оказалось наоборот – первый день пролетел очень быстро. Вот, казалось бы, только проснулись, позавтракали, а вскоре уже пришел вечер. Постоянно было ощущение сонливости, полная расслабленность.

Ходили слухи, что в тюремную еду добавляли транквилизаторы. Вполне возможно. Чтобы было меньше конфликтов, наверняка нам подмешивали какое-то успокоительное.

На Бога надейся, но...

Вечером после ужина я сидел в камере я пытался не заснуть. Если бы лег сейчас, ночью наверняка бы проснулся и мучился до утра. Вдруг я заметил какое-то движение в камерах. Заключенные вставали и, как будто

сговорившись, не торопясь вставали в круг. Что происходит, что они делают?

Я заметил, что у каждого в руках была маленькая книжечка. В тюрьму нельзя было проносить ни книги, ни журналы. Разрешалось взять только карманную Библию. Это они и были.

В какой-то момент я напрягся. Было в этом всем что-то странное, непонятное. Может быть, здесь какая-то тюремная секта? Но тут один из заключенных начал читать вслух. Остальные шепотом повторяли. После каждого отрывка чтец ненадолго останавливался и все ему аплодировали. Так продолжалось около получаса.

После этого молящиеся подходили друг к другу, обнимались и желали мира.

Это была ежевечерняя молитва, на которую собирались все католики в заключении. В тюрьме сидели очень разные люди: и бомжи, и обычные граждане, и рецидивисты. Но там, в этом молитвенном круге как будто стирались всякие социальные различия.

Аргентинцы в целом очень набожные люди. И я еще заметил такую закономерность, что, чем ниже был у человека социальный статус, тем более яростным католиком он был. Возможно, это потому, что в таких случаях у человека меньше ответственности и больше желания эту ответственность на кого-то переложить? На близкого, на государство, на Бога?.. Не знаю.

Я ношу крестик, и я верующий. Но если меня спросить, что такое религия, что такое Бог, у меня не будет четкого ответа. Как будто я чувствую, что где-то там есть что-то выше нас, но что это? Я не знаю. И мне кажется, что не всегда религия чистая истина, скорее это только способ донесения до людей той или иной информации.

Да, есть Бог. Но важно не снимать с себя ответственности, многое в жизни зависит от самого человека. Человек решает и берёт за себя ответственность за свои поступки. Так или иначе, он выбирает маршрут. Если он выбирает

неверный маршрут, то сам за это отвечает. И здесь очень важна ответственность человека. А чем ниже социальный класс, тем меньше у него этой ответственности... Так мне кажется.

Огрызок свободы

В воскресенье утром, после завтрака и холодного душа я сидел в камере и не знал, чем заняться. В общем зале работал старый ламповый телевизор, несколько заключенных собрались вокруг него. Работал только один канал, я так понимаю, центральный аргентинский. Показывали то же, что и на любом телеканале – новости, сериалы, какие-то передачи. Но без знания языка вникать совсем не хотелось.

Но вдруг что-то изменилось. В общий зал вошел служащий тюрьмы и открыл дверь, которая все это время была на замке. За ней было патио – маленький дворик-колодец, метров в 15-20, окруженный стенами, с уголочком голубого неба наверху. Нас вывели туда, заставили раздеться догола. Провели осмотр: нет ли синяков или ссадин. Почему надо было это делать на холоде, на улице? Не знаю. Затем, нам позволили одеться и оставили на улице еще на час. Это была тюремная прогулка. Моя первая.

Столкновение с этим огрызком свободы, наверное, должно было меня тронуть. Вот, наверху, настоящее небо, по нему бегут облака. Я могу дышать свежим воздухом, чувствовать ветер. Мысли об этом, казалось бы, должны были нагнать на меня тоску. Но, выйдя в это узкое патио, в котором бессмысленно слонялись из угла в угол заключенные, глядя на этот уголок неба наверху, я почувствовал внезапную ярость.

Зачем нам вообще дали эту иллюзию свободного пространства? Ведь оно еще сильнее подчеркивает, что все мы заперты в четырех стенах, где не можем даже посмотреть на мир вокруг! В чем смысл этой прогулки, когда ты целый час

бродишь по этому патио, как зверь по клетке?

Другие заключенные сидели на корточках по углам дворика, курили и болтали. Кто-то, как лунатик, просто ходил из стороны в сторону, как будто ему только что дали возможность ходить вообще. Я же раздосадовано выкурил сигарету и пошел обратно на нары.

Кусочек тепла.

Еще до того как меня арестовали, примерно за 4 месяца, я попал на форум в Интернете, где люди знакомились друг с другом. Взгляд упал на короткое объявление: «Хочу выучить русский язык, ищу человека, с кем могла бы разговаривать». Так мы познакомились с Мартой.

Молодая девушка из Кордобы, аргентинка, самостоятельно занималась русским языком. Я предложил ей встретиться, и она, как попутчику в поезде, рассказала мне все свои секреты. Мы, в каком-то смысле, и были попутчиками в этом поезде под названием «жизнь». Я, волей судьбы оказавшийся на другом конце света, и она – местная, которая как побег из своей реальности использовала непонятный ей русский язык.

Марта рассказала о своих несчастливых отношениях, о том, как осталась одна на 7-м месяце беременности, о том, как потеряла ребенка и свалилась в депрессию. Когда мы познакомились, она только начала преодолевать агорафобию – боязнь открытых пространств. До этого она несколько месяцев не выходила из дома. Из стройной и веселой девушки она превратилась в затворницу, страдающую лишним весом.

Наш языковой обмен быстро перешел из формальных занятий в человеческую помощь и поддержку. Я оплатил Марте спортзал и взял над ней шефство – был ей кем-то вроде тренера, который построил для нее программу по похудению. Она же помогала мне разобраться с бытовыми

сложностями – была моим переводчиком, дала свою карточку, чтобы я мог получать переводы из России.

Утро понедельника в тюрьме началось необычно. После традиционных выкриков «листа», холодного душа и завтрака, в 8 утра в дверях замелькали охранники. На этот раз они выкрикивали что-то новое: фамилию, и следом слово «болса» – сумка, пакет. Звучало это, как «Родригез, болса!». Я понял, что заключенным принесли передачи.

С надеждой вслушиваясь в эти выкрики, я ждал, что назовут и мою фамилию. Но время уже приближалось к 10, охранники приходили все реже, а меня так и не позвали. Я знал, что должна была прийти Марта, я передавал ей, что мне очень нужны вещи, гель для душа, зубная щетка...

И только когда оставалось всего несколько минут до окончания передач, наконец, прозвучала моя фамилия. Охранник протянул мне тяжелый пакет – черный, пластиковый, в такой обычно упаковывали мусор в «МакДоналдсе». Моя первая тюремная передача. Человеческое тепло, упакованное в пластиковый пакет.

Помимо того, что мне действительно нужны были вещи первой необходимости – в тюрьме иногда даже не было туалетной бумаги, и заключенным передавали и ее – сам факт того, что на свободе остался кто-то, кому я небезразличен, был для меня особенно важным. Я ждал этой передачи, как маленький ребенок в больнице, которому должны принести горячие пирожки от бабушки.

Пакет был тяжелым, 15 кг. Марта позаботилась обо всем, передала мне даже «альфахорес» – традиционные аргентинские сладости в шоколаде и кока-колу. Заложила поглубже сигареты и телефонные карточки. Это проявление заботы тронуло меня и оказалось главным переживанием в тот понедельник. Я сидел над этим «мусорным» пакетом с потертыми углами, и думал о том, что не все потеряно. Я справлюсь.

Подошел Чарли.

– О, Русо, тебе передали посылку?

– Да, Чарли. Моя подруга Марта принесла мне продукты.

– Хорошо. А то я беспокоился, что ты тут один, и некому тебе помогать. Что в посылке?

Глубоко в мешке, среди хамона и сыра, колбасы и печенья, как я уже говорил, лежал небольшой сверток. В него Марта завернула специальные карты, по которым можно было звонить, и сигареты. Достав одну карточку, я протянул ее Чарли:

– Держи, спасибо, что дал воспользоваться твоей. И «батончик» возьми, угощайся.

– Грасиас! Мучас грасиас, Русо!

– Я хочу угостить других заключенных. Как думаешь, как это лучше сделать?

– Отдай пачку сигарет старшим, Русо. А со второй пройди по камерам, и дай каждому по сигарете. Про еду подумаем позже.

Я закладываю традицию

«Русо»... Так я позволял себя называть только Чарли. «Русо», «русский» – охранники, не стараясь запомнить мое имя, прозвали меня так, за ними подхватили остальные. Со временем это стало меня раздражать – да, я действительно русский, но у меня есть имя. И если ты не можешь запомнить, как оно звучит, то это не моя проблема. Придется выучить.

Сам я старался учить испанский, хотя это было не так и просто. Книги в камеру предавать запрещали, телевизор смотреть не хотелось – вокруг него всегда собиралась толпа других заключенных, все курили, и сидеть в этом облаке дыма, разглядывая непонятные картинки на экране, я не хотел. Я

решил сделать свой словарь испанского языка из подручных средств.

В тюрьме были запрещены ручки и карандаши – потенциально, из них могли сделать холодное оружие, заточив о решетку. Но некоторым из сокамерников их адвокаты все же передавали стержни от ручек, незаметно просунув их в слуховые отверстия.

Камера для переговоров с посетителями в тюрьме представляла из себя пустое помещение, перегороденное пополам стеклянной стеной, по обе стороны которой стояли стулья. В стене же были круглые отверстия, чтобы заключенный и посетитель могли слышать друг друга. Вот в эти отверстия адвокаты и умудрялись просунуть стержни, незаметно для камеры видеонаблюдения.

Мой адвокат мне ничего не передал таким образом, пришлось раздобыть стержень самому – попросил Чарли обменять его у кого-нибудь на сигареты. И вот, почти по-пещерному, я соорудил свой испано-русский словарь. На пенопластовом стаканчике, оставшимся с обеда, тонким стержнем от ручки я карябал слова, которые услышал за день. Спрашивал у Чарли, что они значат, тот жестами мне объяснял и я карябал русский перевод. Так исписывал стаканчик по кругу, пока на нем хватало места...

Вечером, уже после отбоя, я разбирался с продуктами в своей передаче: что-то нужно съесть сейчас, иначе до утра испортится, что-то можно оставить на потом. И вдруг почувствовал, что хотел бы поделиться тем, что мне прислали, с сокамерниками. Не для того, чтобы наладить с ними отношения или как-то задобрить. Просто, представил, каково сейчас тем, кому вообще ничего не передали. У кого нет никого на воле, кто принес бы ему продуктов.

Чарли одобрил мою идею, и мы соорудили импровизированный стол.

Положили на пол сложенный вдвое матрас, накрыли его неиспользованными мусорными мешками, которые нашли в общей комнате. Получилось отличное столовое место, невысокое, как у японцев, аккуратно затянутое черным полиэтиленом.

Забавно, но тот вечер дал начало новой тюремной традиции. Постепенно, другие заключенные тоже начали приносить свои передачи на этот стол. Делились тем, что им передавали: сыром, хамоном, острыми закусками и растворимым соком.

В Аргентине очень популярны такие штуки – не сухие порошки, как в нашем детстве, а концентрированные сиропы, которые нужно разводить 1:5. Вот их и приносили.

Мы садились вокруг этого импровизированного стола, доставали закуски, разводили сок и пытались общаться – то на языке жестов, то используя мимику. Задавали друг другу какие-то вопросы, отвечали. Вели спокойные житейские разговоры, как будто все в порядке, и мы не в тюрьме, а в какой-нибудь местной забегаловке.

Камера на вечер закрывалась, после вечерней переписи в общее помещение с телевизором и телефоном попасть было нельзя. Но со временем мы сообразили перед закрытием переносить стол оттуда в нашу камеру. И посиделки наши проходили уже с максимальным комфортом.

Курили там же, в камере. В кровати, везде. Воздух всегда был чуть голубоватый от табака. Что-то, конечно, уходило в окошки разбитые, но дыма было много. Курили все, курили везде.

На кулачках

Понемногу я выстраивал отношения с другими заключенными. Из тех, кого Чарли называл «старшими», особенно выделялся Кристиан. Выделялся в прямом смысле – высокий, весом килограмм 130, он держался с остальными немного свысока. Это не было дедовщиной, как мы обычно ее понимаем – в этой тюрьме не задерживались надолго, поэтому не было и тех, кто сидел бы там годами. Но это было некое разделение на «старших» и «младших».

Кристиан сидел за огнестрел. Он не был агрессивен, даже наоборот: слишком спокоен. Такая, большая спокойная глыба, с холодным и непроницаемым взглядом.

Поначалу он проверял меня. Провоцировал, полушутя-полусерьезно предлагая пойти в душевую, подраться. Я понимал, что отказываться нельзя. Но при этом не знал, смогу ли с ним справиться в ограниченном пространстве. Становилось немного не по себе. Но я набирал воздух в грудь и спокойно отвечал ему: если хочешь – пойдём. Тогда он переводил свое предложение в шутку.

У Кристиана был и свой «младший» – парень, которому он покровительствовал. Молодой аргентинец, 23-24-х лет, весь в татуировках. Выходец из неблагополучного квартала, он сидел за воровство. В российской тюрьме его бы называли «шестерка» – он выполнял мелкие поручения Кристиана, и иногда вел себя, как его собачка, провоцируя других заключенных.

Меня он поддразнивал. Мог выкрикнуть - «Русо!» и убежать. Мог дразнить, используя явно неприятные слова, которые я не понимал. Я знал, что не могу не реагировать, но и конфликтов тоже не хотел. Тогда я просто принял правила игры: начал догонять его, и как бы в шутку делать удушающий прием. Это было несерьезно, но понятно для него.

Позже я нашел выход, как отвечать на такую полугрессию. Есть такая игра в России, которая называется «кулачки». Это когда два игрока становятся напротив друг друга и прижимаются кулачками, кулак одного прижимается к кулаку другого, задача на реакцию, на скорость – ударить первым по кулаку соперника. Если удалось избежать удара, то уже он пытается попасть по кулаку соперника. И так далее.

Я предложил заключённым играть в эту игру. И мне повезло, потому что аргентинцы восприимчивы к боли. Я мог терпеть дольше всех и переигрывал их, всегда мой соперник отказывался играть первым через какое-то время. Ну,

и соответственно, мои позиции это немножко укрепило. Всё меньше и меньше меня пытались провоцировать. Все больше воспринимали всерьез.

Через неделю после моего заключения в тюрьме появился ещё один аргентинец, попал сюда за ограбление магазина – это был его уже третий или четвёртый срок. Я сразу понял, что он бывалый чувак. По глазам, по реакциям.

Однажды я случайно задел его плечом, возвращаясь в камеру после переписи. Он ответил слишком агрессивно: толкнул меня и что-то прокричал. В камере я подошел к нему:

– Что ты хотел? Что происходит?

Он на повышенных тонах что-то прокричал в ответ. Мои сокамерники затаились – они немного опасались его, и предпочли молча наблюдать за тем, во что все выльется.

Я не стал развязывать драку, но жестами показал, что могу с ним сделать. Прибежали охранники, начали нас разнимать. После их ухода я снова подошёл к нему и на ломаном испанском сказал: «если я тебя обидел, мне жаль, но если ты хочешь выяснить отношения – я готов это сделать». Он, почувствовав мою серьезность, сдал назад и конфликт был исчерпан. А со временем мы даже стали с ним приятелями.

Через несколько дней меня приехала навестить Надежда. Вторая знакомая, которая оставалась на воле, которой я был вынужден доверять. Вынужден, потому что почти не знал ее, но перед арестом она единственная была со мной рядом. Мне пришлось оставить ей машину и деньги, которые я откладывал. Могла ли она меня «кинуть»? Могла. Могла ли быть заинтересована в том, чтобы я оставался в тюрьме как можно дольше? Могла. Но я выбрал доверие, которое не давало мне запутаться в своих же чувствах. Постарался отбросить сомнения и верить.

Страна глухих

Помните этот фильм? Если спросить о моем состоянии в тюрьме, без знания языка, то почему-то возникает ассоциация с этим фильмом. Вроде, вокруг есть жизнь, люди общаются между собой. Разговаривают, спорят или просто играют в карты. Но мне недоступно понимание смысла.

Несколько раз у меня возникало желание присоединиться к игре в карты. Но когда я подходил ближе и наблюдал за процессом, я понимал, что разобраться в правилах практически нереально, и отходил. Я не знал раньше этой игры, ее аналогов не было в России. Карты также были с иными непривычными картинками. И тогда я возвращался к себе. Ложился на нары и чувствовал одиночество.

Ещё, не зная языка, я периодически не мог понять, где надо мной шутят, а где провоцируют. Я могу постоять за себя. Наверное, не было в тюрьме того, кто физически мог бы справиться со мной. Но я не мог дать словесный отпор. И от этого остро чувствовал уязвимость.

– Что хочет сейчас этот человек? Он шутит, или пытается обидеть? Что мне ответить? Если он шутит, как ответить так, чтобы его не обидеть? А если он провоцирует, то как это понять?

Дурацкое состояние, когда пытаешься делать вид, что понимаешь что-то, чтобы не выглядеть идиотом. Но при этом ничего толком не понимаешь.

Некоторые заключённые подшучивали надо мной в своих разговорах. И я понимал, что реально выгляжу неполноценным в чьих-то глазах. И сам на себя смотрел уже по-другому.

Наверное, это было одной из основных сложностей за все время в тюрьме.

Бытовые условия не так страшны. Риск, связанный с конфликтами не так

страшен. Тяжелее всего чувствовать свою неполноценность и уязвимость.

Упал, отжался

Когда Чарли освободился, у меня не осталось ни единого человека, с кем я мог бы общаться. Даже мои уроки испанского, когда я записывал слова на стаканчик, приостановились. Некому было объяснять мне их значение, некому было подсказывать. Вот тогда я действительно почувствовал одиночество.

Чтобы себя занять и не гонять одни и те же мысли в голове по кругу, я занялся спортом. Каждый день по часу, может, даже больше. Из подручного инвентаря были три связанные между собой бутылки – мои импровизированные гантели. Ещё я приспособился подтягиваться над дверью. Она была металлической, в виде решетки. И над ней был узкий косяк, тоже из металла. Я цеплялся за него пальцами, было больно, но я терпел и подтягивался.

Приучил себя отжиматься. В комплексе эти упражнения называются «лестница». Я начинал с 5 подтягиваний и 10 отжиманий, прибавляя каждый подход по 1 подтягиванию и 5 отжиманий. Таким образом, доходил до 15 подтягиваний и 60 отжиманий и затем спускался таким же образом вниз до 5 подтягиваний и 10 отжиманий. Другие заключенные посмеивались, называли меня сумасшедшим. Но постепенно кто-то из них начал повторять за мной.

А потом мотивация пропала... Я решил, что приведу себя в форму уже когда освобожусь. Перестал видеть смысл в том, чтобы регулярно заниматься, и постепенно бросил.

На территории этой тюрьмы был и женский блок. По вечерам можно было услышать, как мужчины в наших камерах через решётки, где не было стёкол, пытались выстроить диалог с женщинами, выкрикивая им что-то. Те иногда отвечали. И это, наверное, всё, что я знаю о женщинах именно в этой тюрьме.

Время было похоже на кисель – изо дня в день ничего не случалось, не приходило никаких новостей. Другие заключенные сделали себе карты из телефонных карточек: стержнем от ручки нарисовали в уголках кривые закорючки, обозначающие масть и достоинство. Меня приглашали в игру, но я отказывался – не понимал правил игры и не мог разобраться без знания языка.

Другие заключённые собирались вокруг старого телевизора, транслировавшего один только канал, и смотрели все подряд. Если был анонс какого-то фильма, то за несколько дней начинали его ждать, чтобы собраться и посмотреть. Иногда там показывали концерты группы «Квартет», очень популярной в Кордобе. Мне она не нравилась – какой-то устаревший поп, как будто из 80-х.

Конфликты в тюрьме возникали не часто. Тот, с кем мы едва ли не подрались, молодой задиристый парень, все время пытался построить других, навязать им свои правила. Он любил поговорить, и делал это очень эмоционально. Помногу, подолгу. Когда он говорил, он будто входил в раж, растворялся в своей речи.

Особенно это было заметно по вечерам, когда заключенные читали Библию. У них было принято, что после чтения псалмов, каждый должен был рассказать про себя, поделиться своим отношением к Богу, к жизни. И когда слово передавали этому задире, он как будто весь становился своей речью.

Я смотрел на него и думал, что он бы мог быть каким-то идейным вдохновителем. Или лидером секты. Не особенно понимая, о чем он говорит, я просто наблюдал за ним. И ловил себя на том, что он обладает колоссальным влиянием на людей. Может мотивировать их.

Дни проходили монотонно, главными событиями в них были только передачи от Марты и редкие встречи с Надеждой. Но в один из таких дней, не утром, как обычно, а после обеда, охранник вдруг отчетливо назвал мое имя.

Когда я подошел, он объявил мне, что скоро состоится административное слушание по моему делу в суде. Оно должно было проходить через скайп–онлайн, и на этом процессе должен был присутствовать переводчик, секретарь аргентинского суда, я и адвокат.

Сорок дней ожидания

Через несколько дней история повторилась. После обеда, когда уже раздали передачи, охранник снова выкрикнул мое имя. Он коротко попросил меня следовать за ним, ничего не объяснив. Но я понял, что сейчас мне предстоит «аудиенция» - так в тюрьме называли суд.

Мы прошли в другой корпус, который состоял из отдельных помещений, поделенных на три части. Две из них представляли собой кабинки вдоль стен, вдоль которых тянулась длинная скамейка. На ней заключенные должны были ожидать своей очереди.

Ждать не пришлось долго – вскоре один из охранников снова выкрикнул мое имя и жестом пригласил пройти в одну из кабинок. Там стоял большой монитор и микрофон. Монитор был выключен, мерцал только черный экран с надписью о том, что идет сигнал. Но через несколько минут на нем появилось несколько фигур – я, секретарь суда и адвокат с переводчиком.

Говорили быстро, неразборчиво, я толком не мог понять, обращаются ли ко мне, или просто что-то комментируют. Только позже, по вопросам, которые постарались задать более внятно, я понял, что это формальный процесс для удостоверения личности.

Меня спрашивали: как меня зовут, сколько мне лет, когда я въехал на территорию Аргентины? Зачем я приехал в Аргентину? Где я был до этого? Когда уехал из России? Знал ли о том, что в России на меня заведено дело?

Знал ли я о том, что нахожусь в розыске?

Я ответил, что не знал. Не знал ни о процессе, ни о том, что в розыске. Ведь, если бы знал, зачем бы я пошел в миграционную службу запрашивать документы? Меня же могли там поймать и арестовать.

Спросил у судьи, на что я могу рассчитывать? Какие вообще возможны сценарии развития событий? Она ответила, что у России есть 40 дней на то, чтобы предоставить запрос на экстрадицию. И что Аргентина уже отправила мои документы...

Адвокат добавил, что у меня не было шансов, меня наверняка ждала экстрадиция. А пока будут принимать решение, меня переведут в другую тюрьму, в пригороде Кордобы. С футбольным полем, столом для пинг-понга, телевизором и ежедневными прогулками. Новая, комфортная тюрьма. Забавно. Оказалось, что к заключению можно применять слово «комфортно»...

У меня остался непонятный осадок от этого разговора. Конечно, я рассчитывал на то, что найдётся какой-то вариант выхода из ситуации без экстрадиции. Но адвокат сказал, что единственный шанс на то, что этого не произойдет – это если Россия в течение 40 дней не пришлёт подтверждение запроса на экстрадицию. И если она его не пришлет, то меня отпустят, и дальше в течение недели нужно прожить по конкретному адресу. В это время еще может прийти запрос, но, если нет – экстрадиции не будет.

Я не хотел экстрадицию по нескольким причинам. Во-первых, я не знал, сколько по времени она может занять, и опасался того, что сейчас, в связи с ситуацией в России, этот процесс может быть очень сильно затянут. Ведь я не единственный арестованный в мире, который находится в ожидании экстрадиции. И моё дело не гиперважное. Я не убийца, не наркоторговец, не террорист. Не такая важная фигура для российского правосудия. И я могу зависнуть здесь на долгое время.

Поэтому я зацепился за эту надежду и в какой-то момент даже поверил, что никакой России я не нужен, что не такой я большой человек, чтобы меня искали даже в Аргентине. Начал считать дни. Как Робинзон Крузо, отмечал, сколько дней прошло. На старом ламповом телевизоре был один канал, по которому показывали время. Так я и отслеживал.

Осталось тридцать девять дней, осталось тридцать восемь дней... И так каждый день. Засыпал вечером и думал: вот, истёк третий день моего заключения, осталось тридцать семь дней... Мне было важно вести этот учёт. Все мои надежды были о том, что запроса не поступит.

Урка-парикмахер

Когда я вернулся в свой корпус, меня обступили другие заключенные. Толпились, галдели, спрашивали, как прошел суд и что мне сказали. Я ответил, что все хорошо, я в тюрьме ненадолго, и через 40 дней меня выпустят... Тогда я действительно верил в это.

Вечером очень хотелось курить. Но сигарет оставалось мало, нужно было приберечь до следующей передачи. В тюрьме вообще все было в дефиците, и сигареты, и зажигалки. Я пытался считать сигареты, чтобы хватало точно.

Но это состояние безвременья влияло на меня. Бывало, что под конец дня я толком не мог понять – когда я успел скурить все сигареты? Вроде бы, их было шесть... Хотя, может быть и пять.

Начал искать зажигалку. Вроде бы, только что она лежала на койке, но сейчас ее нет. Я подумал, что все это из-за тяжелого дня, наверняка, засунул куда-то и забыл. Но тут мой взгляд упал на Даниэля – огромного афроаргентинца, который внимательно наблюдал за мной.

Он предложил поискать вместе. Был очень вежлив, даже заботлив. Поднимал

матрац, одеяло, выражал участие. В какой-то момент, когда я отвернулся, он приподнял подушку: «О, вот же твоя зажигалка!»... Было ясно, что это он туда ее подкинул.

Я лежал на койке и думал, как мне поступить? С одной стороны, понимал, что это он украл, а затем подкинул зажигалку. С другой, я не хотел идти с ним в жесткую конфронтацию. Смолчать, или разобраться?

Уже перед тем как заснуть, я все же решил подойти к нему. Как можно более спокойно и разборчиво сказал: «Слушай, если тебе что-то нужно из моих вещей, спроси меня. Не спрашивая – не бери. Просто попроси это, и я тебе дам».

Я старался говорить доброжелательно, но думаю, по взгляду, по жестам было ясно, что я не хочу конфликта, но если ситуация повторится, то я к нему готов. Ситуация больше не повторялась, он меня понял.

Воровали в тюрьме вообще всё.

На следующее утро я снова провалился в безвременье. Посчитал, сколько осталось до моего освобождения, как я тогда думал, и немного успокоился. Решил во что бы то ни стало держаться.

В этом мне немного помогало то, что я не бросал следить за собой. Спорт я забросил, но продолжал как можно тщательнее соблюдать гигиену. Мылся холодной водой, стирал свои вещи, и брился.

В тюрьме нет зеркал – любое из них можно разбить и это будет холодным оружием. Побрить себя без зеркала я не мог. Моим брадобреем здесь был тот говорливый заключенный, о котором я уже рассказывал. Выдающийся тюремный оратор.

Он сидел за грабеж. Вынес магазин с дорогими очками, украл больше 50 пар. До этого он уже был несколько раз в тюрьме. Всё его тело было в шрамах от ножевых ранений. Он показывал: на шее, на животе – его уже много раз

пытались зарезать.

При всех недостатках, в нем не было мелкой гнили.

Однажды я заметил, что он что-то вытащил из кармана другого заключенного, увидел меня и жестами стал показывать, чтобы я молчал. А я ему наоборот: мол, что ты делаешь, не надо. Оказалось потом, что он вытащил не для того, чтобы себе присвоить, а чтобы пошутить.

Заключенный начинал суетиться, а искомая вещь быстро находилась. В общем, он таким образом развлекался. Провоцировал. Со всеми у него так или иначе были конфликты, потому что он всех провоцировал.

И он меня брил. Оказалось, он закончил курсы парикмахеров. Стриг в тюрьме других заключенных, ему это дело нравилось. Очень следил за собой, был аккуратным.

В то утро мы отправились в душ, чтобы он побрил меня. В тюрьму, конечно, нельзя было передавать ничего острого. Но, почему-то, разрешали безопасные бритвы. Он расплавил одну из них, и, когда пластмассовое основание стало мягким, вытащил оттуда лезвие. Намылил мне лицо мылом, и побрил этим лезвием.

Странно, как простые вещи, которые мы обычно делаем на автопилоте, в тюрьме могут повлиять на твое самоощущение. Ничего, вроде бы, особенного: помылся, немного привел себя в порядок. Другой заключенный побрил тебя выплавленным из бритвы лезвием.

Но я сразу почувствовал себя лучше. Появилось чувство, что все под контролем.

Апельсины и дипломатия

По поводу старших в тюрьме. Сначала я думал, что они по возрасту старше,

или их другие заключенные выбрали. Потом понял, что тут ни фи́га не демократия. Просто они дольше всех тут находились. И вроде как они больше охранникам помогали: по койкам распределять людей, по уборке. Но это не было дедовщиной, это было старшинство.

Один парень там, например, очень быстро завоевал авторитет. Но его неоднократно судили, у него был большой опыт пребывания в подобных местах. Не один срок отмотал. Знал, как себя вести.

Кристиан, про которого я уже рассказывал – огромный латинос – он больше четырех месяцев сидел в этой тюрьме. Сел за огнестрел в Буэнос-Айресе. Он сбежал в Кордобу и тут его задержали. И вот он в этой тюрьме застрял, в столицу его обратно почему-то не переводили. И суда не было.

Процессуальная часть в Аргентине очень-очень долгая.

И так он попал в передрыгу. Дело не идёт, обратно не переводят, закрыли во временной тюрьме и всё. Хотя, тут люди больше месяца не находятся. А ещё и все родственники у него в Буэнос-Айресе. Не получает ни передач, ни посылок, никто к нему не приходит. И мы с ним подружились. Он в целом нормальный был, душевный. У нас с ним был единственный небольшой конфликт.

Меня раздражало по вечерам... Там так телевизор был расположен, что его видно из обеих камер. И вечерами, уже после отбоя, заключенные из другой камеры любили посмотреть сериалы. А поскольку камера была подальше от телевизора, чем наша, они едва ли не на полную врубали звук.

Я долго терпел, не хотел конфликта. Но однажды не выдержал. Чтобы сделать тише или выключить, нужно было забраться на металлическую дверь-решетку, на самый верх, взять палку от швабры и ей дотянуться до кнопки телевизора. Я залез. И услышал крики из соседней камеры, чтобы я остановился.

Попытался объяснить:

– Жо кьеро дормир, я хочу спать. Но не могу уснуть из-за телевизора.

– Не выключай!

И вдруг почувствовал, как в меня ударилось что-то круглое и твердое – из соседней камеры меня начали закидывать апельсинами. В Аргентине массово собирают цитрусовые для сока. И нам их привозили просто мешками, они всегда стояли на виду.

И вот я подвис на этой решетке, а заключенные кричат и закидывают меня апельсинами, как обезьянки в джунглях. Один почти попал мне в лицо – раскололся об решетку рядом, и обрызгал меня соком.

Ночью спал плохо, думал об этой ситуации, и что нельзя все так оставлять. Утром пошел к Кристиану, как к одному из старших, который сидел в той самой дальней камере. Я нервничал, потому что меня возмутило это швыряние апельсинами, не нравилась ситуация в целом – что из-за этого орущего телевизора я не могу спать по ночам.

Тот сразу понял, что я на взводе. Кивнул, предложил присесть рядом на его койку.

– Кристиан, мне не нравится это. Кто кидал в меня апельсины?

Он снова кивнул, было видно, что не хотел эскалировать ситуацию. Протянул сигарету:

– Спокойно, Русо. Покури. Давай обсудим все нормально.

Я взял сигарету, затянулся. Постарался чуть спокойнее, но внятно объяснить:

– Я ночами хочу спать, мне мешает телевизор.

– А мы не слышим телевизор. Потому что наша камера находится дальше.

– Кристиан, давай договариваться. В десять отбой, а в одиннадцать будем делать потише.

Обычно телевизор работал часов до трех, пока трансляция не заканчивалась.

Я специально назвал одиннадцать, зная, что он будет торговаться.

– Нет. Нас пятнадцать человек в камере, и мы хотим смотреть. Ты один.

Давай в час.

– Нет, в час поздно, я хочу спать. Подъем в семь утра. Мне мало шести часов для сна. Давай компромисс. Ты хочешь в час, я хочу в одиннадцать. Значит, убавляем звук в двенадцать.

В общем, мы договорились, что в полночь делаем телевизор тише. Либо я сам делаю, либо прошу кого-то из нашей камеры.

Так мы наладили отношения с Кристианом. Больше конфликтов между нами не было.

«Ты справишься»

Еще на третий день заключения я заметил под койкой одного из старших по камере импровизированные гантели. Это были прочно связанные между собой три трёхлитровые бутылки из-под колы, наполненные водой. Я тоже захотел потренироваться.

Но подойти и попросить их я не решался, переживая из-за слабого знания языка. Как попросить? Как ответить на вероятные вопросы, которые могут возникнуть? Я не знал.

Ближе к вечеру около его койки я заметил оживление. Он и ещё двое заключённых начали тренировку. По очереди делали упражнение с бутылками на бицепс, а в перерыве, отжимались от пола.

Тогда я подошёл и показал жестами, что хочу тренироваться с ними. Ребята удивленно посмотрели на меня, но ответили, что нет проблем. Делали упражнения, соревнуясь на количество подъёмов. Я без особых усилий сделал в два раза больше повторений, чем максимальный результат лучшего

из них.

Тогда старший предложил мне побороться с ним на руках. Мы постелили чёрные мусорные мешки на пол и легли друг напротив друга. Заняли исходное положение, взявшись за руки. Другие заключённые обступили нас толпой, с интересом наблюдая.

Я немного волновался. С одной стороны, я был единственный русский в тюрьме, и нельзя было опозориться. С другой, думал о том, что моя победа может стать причиной повышения ставок и дальше мне предложат побороться с ним и другими заключёнными. Непонятно было, чем это могло закончиться. В итоге решил, что не буду поддаваться, и будь что будет.

Не больше тридцати секунд у меня ушло на то, чтобы завалить его руку. После этого мне предложили побороться на других руках, и ситуация повторилась с тем же результатом.

Таким образом я преодолел стеснение и неловкость. Решил продолжить и подошёл к решетке входной двери в камеру. Взявшись руками за верхнюю металлическую планку дверного косяка, стал подтягиваться.

После тренировки я почувствовал прилив сил. Настроение улучшилось. Взяв в руки пенопластовый стаканчик для мате, я накарябал стержнем на нем «Ты справишься». В будущем, когда у меня возникали сложные эмоциональные моменты, я брал в руки этот стаканчик и читал надпись. Это бодрило.

После успешной первой тренировки я решил заниматься каждый день. Поначалу кто-то из заключённых присоединялся ко мне, но позже им надоело, и я тренировался один.

Однако через три недели мотивация стала пропадать. Стал задаваться вопросом: зачем мне это тут? Есть ли смысл в таких тренировках? Не значит ли это, что, тренируясь, я принимаю существующую реальность?

Но это ведь не мое место. Осталось ведь всего две недели. Совсем немного. Вот выйду и тогда увижу новый смысл. И обязательно все наверстаю...

Когда я тренируюсь, то стараюсь ввести себя в состояние стресса. Делать максимально тяжелые для меня нагрузки. И в тюрьме я по привычке начал делать также.

Несмотря на то, что подтягиваться на дверном косяке было больно, потому что углы косяка были острые, они давили на пальцы и ладони, оставляли глубокие следы, я всё равно продолжал подтягиваться. И, видимо, я себя переломил. Не рассчитал свои силы.

Там и так была стрессовая ситуация, я и так был морально вымотан, и просто не рассчитал свои силы. Плюс, в еду постоянно добавляли какие-то транквилизаторы, и всё время хотелось спать.

Потом, позже уже, когда нужно было делать тренировку, я просто лежал и боролся с тем, что нужно встать и идти делать тренировку несмотря на то, что глаза закрываются в полудрёме...

Силы ушли, потому что я не мог решить вообще ничего. Я понимал, что от меня ничто не зависит, я не могу ни на что повлиять. Контроль потерял, возможность управлять ситуацией. Состояние было муторное и никакое. Сильная переутомлённость.

Ну и зачем мне это тут делать? Всё ведь уже скоро закончится. Выйду и снова изменю режим, приведу себя в форму. Курить брошу. А сейчас я уже опустился на дно, нахожусь в состоянии кактуса. И я прекратил тренировки.

Душевный бродяга Рама

Однажды в камеру привели нового заключенного. В руках он держал черный пакет для мусора, в который были упакованы его вещи. Свободных коек не было, поэтому он расположился на полу. Положил в угол грязный матрас, в изголовье, как подушку - пакет с вещами.

Позже, присмотревшись к нему, я заметил, что он прихрамывает. А когда он переодевался, увидел несколько длинных шрамов: они начинались от верха груди и заканчивались внизу живота. Еще было два поперечных шрама, а кожа на животе между ними была собрана в большую складку и свисала. Неприятное зрелище.

От других заключённых я узнал, что это уличный бродяга.

Какое-то время избегал общения с ним. Привык ещё из России, что бомжи грязные и от них воняет. И тут этот стереотип сработал. Хотя я видел, что он ходит в душ несколько раз в день, и постоянно стирает вещи в раковине. Так что он был чистый, и неприятного запаха не было. Но все равно я избегал контактов с ним.

Даже когда вечером мы садились за импровизированный стол, я старался отсесть подальше. А если он передавал мне хлеб или закуски, то потом я брезговал и не ел.

Но в один из дней ему удалось занять место рядом. И он попытался разговаривать со мной. Тогда я обратил внимание, что он старается говорить понятными словами. Где-то подбирая синонимы, а где-то объясняя жестами.

Это было удивительно. Общаясь с аргентинцами, я заметил, что чем умнее человек, тем я лучше его понимаю. Объяснять мне что-то, учитывая степень владения языком, не просто. Многие просто ленятся и не делают попыток продолжить.

Бродяга рассказал, что его зовут Рама. Он закончил университет. Говорит по-английски. У него богатая мать, которая владеет фермой в пригороде Буэнос-Айреса. А он алкоголик. Говоря это, он не стеснялся. Он сказал, что это его выбор. Так же, как и жизнь на улице - это его выбор. Он не хочет другого. Я сказал ему: "Рама, ты слабый". Он не стал спорить и согласился: "Я слабый и это мой выбор".

Тот разговор произвёл впечатление на меня. Я зауважал его. Он не боится

быть тем, кто есть. Он осознанно делает выбор и принимает себя.

Позже было несколько ситуаций, где мы почти сдружились.

Как-то я заметил его около двери в блок с мешком вещей. На глазах у него были слёзы. Он просил охранников о переводе: это допускалось в каких-то случаях. Я жестом попросил дать нам две минуты. Взял его за плечо и увёл поговорить. Оказалось, у него произошёл конфликт с нашим задирой.

Задира мылся в душе, а Рама собрался постирать одежду. Если в момент приёма душа кто-то включал воду в раковине, то принимающего душ могло обжечь горячей водой. Поэтому либо ждали, либо предупреждали, что нужна раковина. Рама был в своих мыслях и забыл. Конечно, он был неправ, но реакция задиры была чрезмерной. Он накричал на Раму, толкнул его. Когда Рама извинился и пошёл в камеру, задира преследовал его, оскорбляя. Тогда бродяга не выдержал и попросил перевод.

Я успокоил его. Обнял за плечо и позвал задиру. Со вторым у меня уже были приятельские отношения. Попросил, чтобы он поговорил спокойно с Рамой, объяснил ему косяк без наезда.

Была ещё ситуация. Как-то я получил плохие новости из Москвы. И нужно было побыть одному. В душевой никого не было. Зашел туда, сел на пол. Сидел, уставившись в стену невидящим взглядом. Таким меня застал Рама, он сел рядом и обнял за плечо. Мы просто сидели рядом и молчали. Мне помогло это лучше любых слов.

И ещё одна ситуация. Как-то ночью в камеру привели нового арестованного. Он занял недавно освободившуюся соседнюю койку. Всю ночь кашлял. Отхаркивался в стакан. Это мешало. Я смог отключиться и заснуть только к пяти утра.

Утром, идя умываться после «листа», я взял своё полотенце, висевшее на спинке кровати в ногах.

Рама подошёл. Сказал не брать полотенце. Что соседа вырвало ночью, и он

вытерся им. Я бросил полотенце на пол. Было противно. Рама спокойно поднял его и пошёл стирать.

Рама показал мне, как важно быть выше стереотипов и не относиться к людям предвзято. Да, он бездомный алкоголик. Но при этом светлый и ранимый человек. Люди не черно-белые, они разные. И так во всем по жизни.

День рождения Кристиана

В тюрьме бывали и трогательные моменты. Когда вдруг все эти люди, такие разные, вдруг объединялись вокруг одной идеи.

Тогда они становились похожи на маленьких детей. Не по уровню интеллекта, не по наивности суждений, а благодаря вот этому искреннему желанию объединиться, участвовать вместе в одном деле, несмотря на различия. Так случалось вечерами, когда они собирались на молитву. Так иногда происходило и по другим поводам.

У Кристиана, старшего по тюрьме, приближался День рождения. Об этом все узнали заранее – он рассказывал, что к нему должна будет приехать мама. Говорил, как волнуется, как хочет ее обнять, ведь они не виделись полгода.

Сокамерники решили его поздравить. Они собрали пустые пачки из-под сигарет, пластиковые стаканы и тарелки. Тайком от Кристиана – пока он был в душе или смотрел телевизор в общем зале – мастерили ему подарок. Из всего этого мусора они соорудили гигантскую вазу с цветком. Раскрасили ее цветным мылом... Это было щемяще-трогательно, по контрасту этого детского порыва и тем, что нас окружало.

Я, в свою очередь, тоже хотел поздравить Кристиана. Он был мне симпатичен, я считал его справедливым. При всей его внешней суровости, он не был злым или агрессивным. Наоборот, старался найти компромисс и решить все миром.

Его день рождения был в среду, и я заранее попросил Марту передать мне побольше продуктов. Вечером мы планировали небольшое застолье, и я хотел «проставиться» со своей стороны. Без спиртного, конечно, но хотя бы чем-то вкусным.

Но во вторник утром мне объявили, что на завтра я покину эту тюрьму. Меня переводят в новую, ту самую, что называли «комфортной» - с настольным теннисом и ежедневными прогулками. В этой мне оставалось сидеть всего сутки.

Я помню, что был настолько уверен в скором освобождении, что даже подумал, зачем меня переводить? Мол, какой смысл? Шел тридцать второй день моего заключения, всего, как я думал, мне предстояло отсидеть сорок дней, так зачем сейчас устраивать все эти «туда-сюда»?

Последняя ночь в этом месте не была особенной. Я спал, как всегда, не мучаясь ни кошмарами, ни размышлениями. Собираться мне особенно не пришлось: планируя вскоре освободиться, я не просил у Марты приносить мне много вещей, обходился самым минимумом. Собственно, месяц жизни в этой тюрьме уместился у меня в небольшой пакет, который я забрал с собой.

Кристиана все же хотелось поздравить. Я не мог остаться на вечернее застолье, но и просто так уходить я тоже не хотел. Думал, что же я могу ему подарить из своих немногих вещей здесь?

Решение пришло быстро. В Аргентине беда с большими размерами одежды. Местные, как правило, невысокие и среднего телосложения. Такие громады как Кристиан встречаются редко. И когда-то он жаловался мне, что это целая проблема – найти одежду по размеру. Среди моих вещей были тренировочные штаны на размер больше моего. Такие, мягкие удобные шаровары. И я подарил их Кристиану. Он был счастлив.

Так закончилась первая часть моего заключения.

Переезд и карантинный блок

Это было на 32-й день моего задержания. На самом деле, я не ожидал. Неожиданно охранники выкрикнули мое имя и сказали: «Боуэр». Просто слово «Боуэр».

Я не понял, что это значит. Но другие заключенные объяснили, что это означает перевод в другую тюрьму. Уже через несколько часов мою фамилию повторили, мол: с вещами на выход. Я вышел. На выходе из нашего блока попросили раздеться. Разделся. Обыскали карманы, обыскали сумки. Сказали ждать.

Через какое-то время подъехал автобус, в нем сидели пристегнутые наручниками к сиденьям заключенные. Сиденья были твердые, без обшивки. Всего в автобусе было человек пятьдесят, наверное. И дальше мы в этом автобусе проследовали до территории новой тюрьмы.

Рядом со мной в автобусе сидел парень лет 35-ти, ел какое-то печенье. Предложил мне, я отказался. Мы представились друг другу. Когда уже приехали на территорию тюрьмы, там были въездные ворота и огромная-огромная территория. И по ней мы также в автобусе проехали. Остановились около одного из блоков. Нас всех по очереди вывели и провели в это большое помещение. Оно реально огромное, метров двести, или около того.

Самой сложной была первая неделя во второй тюрьме, потому что это была неделя карантина.

Когда заключенных собирают и отправляют в эту тюрьму, там происходит перераспределение. Новички попадают в одни павильоны; те, кто имеют неоднократную судимость – в другие. Ещё распределяются по степени тяжести преступлений, наверное, как в России.

Первоходцы с первоходцами, ранее судимые с такими же, педофилы вообще

отдельно сидят, как и в России. В этом здесь похожая система. Делят по нарушениям, по социально-культурному уровню... Стараются людей, имеющих высшее образование, интеллигентных людей, не сталкивать с отморозенными латиносами.

Но вся эта «сортировка» происходит уже на вторую неделю после перемещения во вторую тюрьму. А в первую неделю все находятся в одном павильоне на карантине. Все. И первоходцы, и отморозенные. Все.

Этот павильон – одно большое помещение с высокими потолками, наверное, метров около восьми. В нём расположено 25 двухэтажных коек. То есть, 50 спальных мест. Слишком много народу, все незнакомые, много конченных. Я бы сказал, 90% конченных. И постоянное ощущение напряжения.

Много воруют. Воруют, нарываються на драки, провоцируют. Общаются по-особенному, растягивая слова – у них свой диалект. Мне нужно было провести в этом карантинном блоке целую неделю.

Парень, который ехал со мной, был уже четырежды судим. Он первый выбрал себе койку, потом позвал меня: «Русо, давай, иди сюда». Он занял второй этаж, я первый. В изголовье кровати к стене были приделаны металлические полки. На них можно было положить свою одежду и какие-то личные вещи.

Я не сразу понял, что лучше этого не делать. И что одежду и ценные вещи стоит спрятать под матрац или под подушку. И вообще стараться не покидать зону видимости кровати и не сводить глаз со своих вещей. Поначалу я не был готов к этому.

Тяжело мужчине в Аргентине

Ещё в первой тюрьме к нам привели мужика лет 45-50. Он был крепкого телосложения. Вид его был немного растерянным. Он озирался по сторонам,

что-то рассказывал другим заключённым.

Ко мне подошёл Кристиан и сказал:

– Русо, это твой друг.

– Почему, Кристиан? У меня нет в Аргентине друзей.

– Он сказал, что говорит по-русски.

– Да? Очень интересно.

Я подошёл к мужику и спросил на русском:

– Привет. Ты знаешь русский язык?

– Да, конечно, Товарищ.

– Откуда ты его знаешь?

– Я жил год в Белоруссии. Моя жена белоруска.

– Очень интересно. Давай отойдём в сторону и поговорим?

Я взял его за плечо, и мы пошли в камеру. Сели на свободные кровати друг напротив друга.

– Как тебя зовут?

– Меня зовут Паул.

– Паул, почему ты здесь? Что случилось?

– Мы поругались с женой, и она сказала полицейским, что я ударил ее.

– Это правда, ты бил ее?

– Нет, конечно! Давай потом об этом. Не хочу думать опять. Я 10 лет ни с кем не общался по-русски. Мне интересно. Я многие слова забыл, но все равно хочу поговорить...

Дальше мы общались вперемешку на русском и испанском. Иногда жестикулируя. Его русский был не очень хорош. Паул знал ограниченное

количество слов. Периодически говорил, что не понимает и тогда я пытался говорить ему на испанском.

Он рассказал, что умеет хорошо работать руками. Он работал на сервисе и на стройке. Сам построил дом. Но ему нравится Россия, и он хотел бы переехать туда. Но не в большой город, а в какой-нибудь маленький провинциальный, где поспокойнее. Общась с ним я почему-то подумал, что подходящим местом для него может оказаться Абхазия. О чем сказал ему. Там есть море. Много русских туристов. В связи с текущей ситуацией Абхазия активно развивается сейчас. Но в плане трудоспособности абхазы похожи на аргентинцев. Работать не любят. Поэтому он без проблем найдёт там работу. И если ему нужно я дам контакты людей, которые помогут там. Его заинтересовало это место.

На следующий день он снова захотел поговорить со мной.

– Я не знаю, что мне делать. Совсем не знаю...

– Расскажи мне о своей ситуации, Паул. Что случилось?

– Понимаешь. У меня был друг. Он был женат. Его жена очень красивая. У нас была искра. Но я не хотел разрушить их отношения. Поэтому старался избегать прямого общения с ней. Но этот друг. Он обижал ее. Спал с другими женщинами. И потом ушёл от нее. Я только недавно об этом узнал. Я нашел ее в социальных сетях. Мы общались. Но между нами ничего не было, мы стали общаться как друзья.

– И как это связано с твоим арестом?

– У нас последний год очень плохие отношения с женой. Мы спим в разных комнатах.

– Постой, эта та жена, которая из Белоруссии?

– Да, это Наташа.

– Так и что было дальше?

Паул активно жестикулировал, рассказывая свою историю. Видно было, что очень переживает.

– Последние несколько месяцев Наташа говорила мне, что хочет уехать жить в Москву. Ее сестра работает в отеле и предлагает ей прийти к ним на работу.

– Ясно. И что дальше?

– Недавно я оставил свой телефон на кухне. Наташа его взяла и нашла мою переписку с этой женщиной. Мы поругались. Потом она пошла в полицию и написала, что я ударил ее.

– Но ты ведь не бил ее?

– Нет! Я никогда не бил женщин. Но сейчас меня арестовали. У меня было дома 25 тысяч долларов. Я долго копил. Думаю, что Наташа специально написала в полицию. Чтобы меня арестовали, а она могла спокойно забрать деньги и уехать в Москву.

– И что ты думаешь делать?

– Я не знаю. Совсем не знаю, что мне делать. У меня дома остались собака и лошадь. Кто теперь будет их кормить? Совсем не знаю, что делать...

Этот взрослый крепкий человек в тот момент был похож на маленького растерянного ребенка. У меня в груди защемило, по-человечески его стало жаль.

После разговора с Паулом я задумался. Да, похоже, что он не врет. Женщины в Аргентине имеют больше прав, чем мужчины.

Его очень быстро перевели в Боуэр. Через 3 дня буквально. Но на тот момент я не знал, что его забрали в Боуэр. Думал, что его отпустили домой. Уже спустя время, когда меня перевели, я встретил его около кабинета врача в новой тюрьме. Я был удивлён.

В первой тюрьме было много мужчин, попавших на отсидку из-за женщин. Точнее, потому что женщины заявили в полицию о насилии. И многие мужчины утверждали, что это было необоснованно. Случалась обычная ссора, а потом женщина дергала за этот рычаг. Либо на эмоциях, либо в попытке выкачать денег. Наверняка, были и те мужчины, которые сидели за дело. Но в целом по заявлениям, поданным женщинами, было очень много заключенных. Наверное, процентов 30 сидели по таким делам. Со слов самих мужчин, эта ситуация продолжается последние десять лет и постоянно ухудшается.

Охранники тоже рассказывали, что часто женщины необоснованно пишут заявления. В попытке доминирования, например. Если мужчина напишет в полицию заявление на женщину, то на него просто никто не обратит внимания, по словам охранников. Но стоит обратиться женщине, так система правосудия включается жестко. Мужчины получают реальные сроки. От нескольких месяцев, до нескольких лет. Женщины имеют намного больше прав в делах о насилии.

В работе у мужчин и женщин равные права. Однако, в отличие от России, много женщин в Аргентине работают, например, в полиции, службе спасения, или пожарными. Процентом 30-40 там женщины. На улицах я постоянно вижу патрули, состоящие как из мужчин, так из женщин. Полицейских на лошадях и велосипедах, например. Эти профессии считаются престижными для женщин.

С одной стороны, женщины повсеместно говорят, что в Аргентине большинство мужчин безответственны. Инфантильны. Не могут обеспечить семью. Но, с другой стороны, такое неравномерное распределение прав, какое можно видеть на примере с тюрьмой, реально может лишить мужчин мотивации становиться защитниками.

Тут в целом не очень принято, чтобы мужчина нес ответственность за семью. Зарабатывают в лучшем случае оба. Бывает, что мужчина вообще не

стремится к самореализации, а живет вечным «маньяна». Пьёт фернет, ест мясо. У меня, например, есть знакомая. Она рассталась со своим мужем, потому что он не помогает ей обеспечить ребёнка. Работает только она одна. Он же перебивается редкими случайными заработками.

Многие мужчины в Аргентине созревают лет на 15 позже, чем в России. Есть, конечно, исключения, но я про большинство. Например, я и мои знакомые уже в 23-24 года жили отдельно от родителей, завели семью. Уже в 24 года мой доход был около 3-4 тысяч долларов. В Аргентине же считается очень хорошим показателем, если мужчина после 40 лет зарабатывает те же деньги. До 30-35 лет многие могут работать на неквалифицированной работе. Например, официантами в кафе. Когда я общаюсь с ребятами 30 лет, я иногда ловлю себя на том, что они похожи на меня или моих друзей, когда нам было по 20.

Ещё я часто слышу от женщин, что аргентинские мужчины – вруны. Частые измены, необязательность. Не хочу делать обобщения и говорить, что все мужчины в этой стране такие. Но здесь я действительно сталкиваюсь с такими отзывами от самих женщин намного чаще, чем в России.

И у меня возникает вопрос, а что здесь причина, а что следствие? Мне кажется, довольно сложно быть сильным главой семьи, если у тебя законодательно меньше прав, чем у твоей женщины. Ведь это изначально может лишить мотивации. Тогда получается, что сама социальная система в стране не оставляет мужчине смысла расти и становиться сильным? Не знаю. Возможно, сейчас подходящее время для того, чтобы создавать в Аргентине общественные организации, защищающие права мужчин...

Новые условия выживания

В карантинном блоке я сразу столкнулся со сложностями, как будто мне

показывали какой-то фильм про выживание. И главным героем фильма был я. Дело было не только в переполненном блоке, хотя это тоже сказывалось – столько незнакомых людей, большинство из которых явные отморозки, все эти запахи, звуки. Но было непросто даже в бытовом плане.

Если в первой тюрьме давали тарелки, хотя бы пластиковые, то здесь не было ни столовых приборов, ни посуды. Кто-то из заключенных, кто уже проходил этот путь, прихватил из прошлой тюрьмы все эти вещи. А я не знал, поэтому ничего с собой не взял, у меня вообще ничего не было.

Через какое-то время после того, как нас туда закинули, принесли еду. Она была в больших кастрюлях. Мой попутчик из автобуса вызвался раскладывать обед. Это было некое фасолевое блюдо, между супом и вторым, какая-то тушеная фасоль с мясом и с овощами. И у кого-то были тарелки, у кого-то не было.

Многие использовали целлофановые пакеты в качестве тарелок. Прямо в руках приносили пакет, туда накладывали еду. Потом из него и ели...

У меня не было даже пакета, и я догадался использовать свою бутылку из-под «кока-колы». Допил остатки из 2-литровой бутылки, отрезал нижнюю часть и использовал ее как миску.

Приборов у меня не было, я попросил у кого-то из заключенных. После обеда вымыл и вернул.

Это были очень жесткие условия. У меня быстро закончились все припасы, которые я захватил. Часть сигарет украли, часть я выкурил. Остался на два дня совершенно без ничего. Курить хочется – сигарет нет, негде взять.

Перекусить хочется – тоже ничего нет.

Душ на павильон из 50 человек был один, туалетных кабинки всего две. «Кабинки», впрочем, слишком громкое слово. Это были просто две грязные дыры в полу, два нужника. Туалетной бумаги, конечно, не было.

По углам, на койках, там и сям, сидели заключенные и прямо на глазах у всех

употребляли наркотики. Это был или кокаин, или толченые таблетки, которые они занюхивали. Потом сидели с застывшим взглядом, а иногда начинали конфликтовать.

Было много отмороженных. Со стеклянными глазами, дерганных, отвечающих на любое обращение агрессией. К ним лучше было не приближаться.

Неделя была сложной. Только после того, как она закончилась, я понял, в каком стрессе находился. Это было крайне напряженное состояние. Такое ощущение, что внутри до предела натянута пружина...

С одним из заключенных я столкнулся по пути из туалета, мы познакомились. Он не был из конченных. Имя не запомнил, его все называли Бразиль – он был из Бразилии. В Аргентине он был управляющим нескольких бизнесов. Сел за конфликт с отцом жены. Он не сказал, какой срок ему дали.

Мы нашли общий язык благодаря тайскому боксу. Он занимался им уже лет 10. Но, несмотря на это, сильным и смелым его назвать было нельзя.

Наоборот, он был очень настороженным, даже трусоватым.

Чуть позже я понял, почему нельзя надолго отходить от койки и лучше не спускать глаз со своих вещей.

Вечером я ненадолго отошел от кровати, уже не помню, куда – в душ, или в туалет. Когда вернулся, захотел покурить, но сигарет уже не нашел. Первый, на кого я подумал, был мой сосед по койке. Спокойно спросил у него, не видел ли он мои сигареты?

Конечно, он ответил, что нет. Что он спал и ничего не видел. Что да, у него есть пачка сигарет, но это его сигареты, они у него уже были. Я понял, что это вранье, но сделал вид, что поверил. Не хотел конфликта в первый же вечер, не стал обострять ситуацию.

Но как я понял, что он врет? Народ в тюрьме не курил хороших сигарет.

Почти у всех они были дешевой марки «Ред Пойнтс». Я же курил «Мальборо». И у этого парня вдруг они оказались. Того же вида, что курил и

я. Конечно, я понял, что это и были мои пропавшие сигареты. Так я впервые столкнулся с темой воровства в Боуэр.

Отвернулся – украли

Воровство в этом карантинном павильоне было последней каплей. Мне и так приходилось терпеть, стиснув зуб, этих наркоманов по углам, зыркающих, на кого бы наехать, чтобы забрать или украсть какую-то вещь, которую затем обменять на дозу наркотиков в соседней камере, отправив по верёвке через окна. Такая верёвка служила для обмена вещами между камерами и называлась «карета». Эту вечную грязную жижу на полу, в которую приходилось все время наступать. Эти бесконечные запахи: плохого табака, чужих тел, нужника...

Но воровство было настолько подлым, иногда настолько мелким! Пропадало даже печенье, буквально из-под носа. Сначала я не обращал внимания, что в пачке остается все меньше, хотя я его не ел, потом уже начал это замечать.

В какой-то момент я не выдержал. Однажды забыл шампунь в душевой. Когда вернулся, его там уже не было. И я по-настоящему разозлился.

Я пошел к решетке павильона, и начал со всей дури по ней стучать. Звал охрану, кричал, мол, здесь воруют, сделайте что-нибудь. Долго возмущаться не пришлось: меня быстро окликнул кто-то из камеры: смотри, вон же, на полке, твой шампунь. Понятно, что его поставили туда уже после того, как я начал кричать охранникам.

В тот же вечер меня подозвали другие заключенные. Они разбились по группам, и одна группа захотела со мной поговорить. Показали на того, с кем я ехал в автобусе, и сказали, что он у меня ворует. Мол, мы видели не раз, как он роется в твоих вещах. Я и сам знал, что он у меня ворует, и не только про сигареты. Теперь же мне это подтвердили.

Это был переломный момент. Тогда я понял, что у меня уже не получится делать вид, будто ничего не заметил и спускать все на тормозах. Нужно было показать, что со мной так нельзя, моего миролюбия он явно не понимал, наверное, считал это трусостью. Этой же ночью я выждал момент, когда он встанет с койки, и отправился за ним.

Мы вошли в туалет. Там я его схватил, сделал удушающий прием и начал методично бить по печени. У меня не было цели его покалечить. Но и оставлять синяков я не хотел. Вокруг входа в туалет быстро собрались другие заключенные, которые просто стояли и смотрели на то, что происходит. Даже не говорили ничего.

Все это заметили тюремные охранники, которые следили за павильоном через камеру наблюдения. Они не могли увидеть меня и вора, но столпотворение возле входа в туалет их насторожило. Уже через несколько минут они прибежали, размахивая металлическими дубинками, громко выкрикивая: «Ке паса?»

Удивительно, но все заключенные повели себя по понятиям. Они не показали пальцем на меня и не сказали: «он его бьет». Они показали пальцем на него, как на причину, и сказали: «он вор». Охранники скрутили его и быстро увели. Больше я его в этом павильоне не видел.

После того, как охрана ушла, ко мне подошли заключенные, человек, наверное, пятнадцать. Большинство из них говорили: «молодец», и всячески выражали уважение. А один искренне благодарил. Он рассказал, что сам из бедной семьи, и ему не могут много передавать, а тот чувак украл у него одежду. Сказал: «спасибо, что отомстил за нас».

Тогда я подумал, что на этом все и закончилось. Зло наказано, добро победило, можно немного расслабиться. Мне даже физически будто стало немного легче, будто ушло это вечное напряжение. Но эта надежда оказалась иллюзией. Дальше стало еще хуже.

Твои вещи - твоя проблема

В один из дней карантина мы решили начать тренировки – я, Бразиль и ещё один аргентинец с русским именем Андрей. Он попал в тюрьму за драку – сломал кому-то челюсть. Андрей, хоть и занимался боксом, и дрался, был добрым парнем, с мягким характером.

В этом корпусе было патио, в которое нас пускали на несколько часов в день. Оно было больше чем в первой тюрьме раза в три, наверное. Мы выходили туда и тренировались: бегали по кругу, выпрыгивали, делали ускорения, потом друг другу держали ладони и отрабатывали по ним удары.

Однажды после тренировки ко мне подошел аргентинец, один из отмороженных. По нему сразу было видно, что убьет – и это не будет для него проблемой. Взгляд был умный и ледяной. Его звали Марино, он был лидером. Когда он подошел ко мне, вокруг него уже вертелось несколько человек, готовых сразу вписаться в разборки.

– Вам что, заняться больше нечем?

– Если хочешь, тренируйся с нами.

– Мне это не нужно, я и так могу...

– Что ты можешь?

– Я всё могу. Пойдем, Русо, поговорим.

Мы отошли.

– У тебя есть деньги на свободе? Тебе передают продукты и деньги?

Я понял, что он интересуется не просто так. И что последует дальше.

Спросил:

– Зачем тебе это нужно знать?

– Ты мне должен будешь.

– Ничего я тебе не буду должен.

Он решил временно перевести разговор на другую тему:

– Зачем ты тренируешься? Это тебе не поможет. Покажи, что умеешь.

Показал ему удар, фиксируя его в конце, чтобы не задеть.

– Ничего ты не можешь, ножа у тебя нет, вот смотри...

Он как будто достал нож и сделал движение в сторону моего живота, мол, порежу, и ты ничего не сможешь сделать.

– Нас переведут в другой павильон, я добуду нож и тебя зарежу.

На этом я отвернулся и ушел.

Позже вечером он подошел ко мне, спросил:

– Русо, все нормально? Извини, у тебя есть сигареты?

Я его угостил сигаретой:

– Давай, – говорю, – чтобы твоих пацанов возле моей кровати не было.

Сделай так, чтобы никто из них не подходил, не хочу, чтобы у меня что-то пропало.

– Ладно, обещаю, не будет этого.

Но среди заключенных был один лысый парень – конченный нарик. Он постоянно у кого-то что-то воровал. И однажды я попросил одного заключенного с соседней койки, чтобы он меня побрил. Тот согласился. Мы отошли к раковине. А когда вернулись, мне сказали, что у меня украли кроссовки.

Там никому не мешали воровать. Все это в открытую делали, а им позволяли. Твои вещи – это твои проблемы, сам за ними смотри.

И когда я вернулся после бритья, мне сказали, что этот лысый чувак, наркоман, украл мои кроссовки. Я смотрю – их на самом деле нет. И в камере

их уже не было, он их передал по «карете» в другую камеру, поменял на наркотики.

Я схватил его за плечо, увел в туалет. Начал душить. И вдруг он внезапно заголосил во всю глотку и начал биться затылком об кафельную стену.

Оказалось, что у него в затылке металлическая пластина после операции. Он кричал, что я его убиваю, а сам холодно смотрел на меня и повторял: «Все, Русо. Вот теперь тебе будет плохо».

В тюрьме нельзя драться. Если тебя поймут на разборках, будут тяжелые последствия, вплоть до перевода в камеру к самым конченым заключенным. Прибежала охрана, он начал им жаловаться, что я его бью. Добавил еще, что я избил и того, кого они забрали в прошлый раз.

Я же ответил, что чувак украл у меня вещи, пусть он мне их возвращает. Предложил охранникам не вмешиваться и дать мне самому с ним разобраться. Они, конечно, этого допустить не могли. Сказали только, что мои вещи – моя проблема, и нужно за ними следить.

На этом охрана ушла. И что делать? Он украл кроссовки, это нельзя было просто так оставить. Я не ложился спать, рассуждал, ходил-ходил по кругу. Поздний вечер накануне распределения. Я понимал, что этой ночью будет ещё больше воровства. Многие друг друга больше не увидят. А раз так, то можно оторваться.

Ночная драка

Примерно через час кто-то из тусовки Марино отозвал меня в сторону. Хотел что-то сказать. Уже потом понял, что просто отвлекали разговорами.

Вернувшись к кровати, увидел, что пропала куртка. Та самая, которую использовал еще в первой тюрьме вместо наволочки.

Эту куртку мне привез с Тенерифе брат в 2011-м году. На ней уже не работает молния, но все равно она мне дорога, как воспоминание о старых временах.

Пережила два моих брака. Пережила время моего взлёта и падения.

Забавно, что спрей для носа, который лежал в кармане, как и таблетки, и какие-то бумажки, аккуратно положили в пакетик и оставили на видном месте. То есть, такая забота: сперли куртку, но оставили все, что было в карманах.

Ко мне подошел Андрей, который занимался боксом. Сказал, что это Марино и компания все воруют, надо бы им ответить. За ним подтянулось еще несколько аргентинцев, с тем же предложением.

Мы пошли к другой части павильона, где стояли койки воров. На них лежали пять человек, сразу вострепнулись: что случилось, в чем дело? И тут же встали в боевые стойки, готовые драться.

Я даже не заметил, как за доли секунды образовалась толпа заключенных, которая волной повалила воров на землю. Начали бить их руками и ногами, прыгать на головы. Как дикие звери, они прыгали со вторых этажей кроватей прямо на плечи воров и колошматили их по головам.

Замес становился все более диким, уже неуправляемым. Один из компании Марино попытался выбраться оттуда, уйти в сторону. Но я загородил ему дорогу, положив локоть на койку, чтобы не дать выбраться. В драку я не лез, но участие в наказании, все же, принял.

Пришла охрана. Ребята начали кричать, что те у нас воруют, что пропало уже много всего. Повезло, что тюремщики не стали сильно разбираться.

Компанию Марино вытащили из павильона, оставив на месте все их пожитки. Другие заключенные бросились осматривать их пакеты, койки, матрацы. И, конечно, многие нашли там свои пропавшие вещи.

И тут вспомнили про лысого, который был в другой части камеры. Все пошли к нему, без слов повалили на землю и начали бить. Снова пришла охрана, снова его вытащили. Но я успел пару раз ему врезать от души.

Когда охрана увела, кто-то из заключенных поднял его матрац. Под ним

лежала моя куртка!

Внезапно в камеру снова решительно заходит охрана. Приказывает всем построиться в шеренгу. Всех осматривают, особенно синяки. И молодой парнишка, который за несколько часов до этого мне сказал, что у меня украли кроссовки, что-то начинает кричать про тех, кто воровал. Не может успокоиться.

Охрана ему: заткнись! А он продолжает и продолжает кричать. Парнишка молодой, мне его прямо жалко, ему лет 18, наверное, он маленький еще совсем. Охрана вытаскивает его за шкирку из павильона.

Через час он вернулся, еле шел, сказал, что его били. Охрана отвела его на задний двор и избивала дубинками. Мы старались поддержать его, как могли: подходили и обнимали, хлопали по плечу, мол, нормально все, держись.

Один из заключенных, который до этого приторговывал сигаретами, на радостях достал пачку и начал их раздавать всем подряд. Как будто бутылку шампанского открыл. И это и правда было, как праздник – в карантин никого не пускали, передачек не было, сигареты давно закончились. И закурить после всего, что случилось, было особенно приятно.

Ну, а после – отбой. Я никак не мог заснуть. С одной стороны, жалел кроссовки, что украли. С другой – куртку, все же, удалось вернуть. Значит, добро восторжествовало. С этими мыслями я и сам не заметил, как отрубился.

Утром нам объявили, что всех расселят по разным павильонам. Чуть позже, охранник сказал, что перед распределением всех вакцинируют. Прямо в коридоре, напротив павильона, поставили стол для врача, рядом стул. Заключенных выводили по одному, сажали на этот стул и ставили им вакцину от ковида. Уже не помню название.

Я был против вакцинации. Усмехнулся про себя: нужно было столько времени избегать прививки, чтобы в итоге ее насильно поставили в

аргентинской тюрьме.

Вакцинация и новый переезд

Размышлял о том, насколько безвольным становится человек в тюрьме, дожидаясь своей очереди на принудительную вакцинацию. Тебя даже и не собирались спрашивать, что ты думаешь об этом. Нужно было покорно сесть и подставить плечо для укола.

Но вот уже половину павильона вакцинировали, затем три четверти, а мое имя так и не прозвучало. Я до сих пор не знаю, почему. Возможно, потому что я был иностранцем и закон о вакцинации, принятый для заключенных аргентинцев, на меня не распространялся. Не знаю. Но мне этот укол мне так и не поставили.

После прививки охранники по одному вызывали заключенных и уводили их в отдельный кабинет на комиссию. Уже там им сообщали, в какой павильон переведут. Я спрашивал у парней, с которыми мы более-менее общались, куда их распределили. Надеялся, что мы окажемся в одном месте.

Мне казалось это логичным, потому что я общался с несколькими ребятами-первоходцами. И они сидели за незначительные преступления. Поэтому я думал, что меня распределят вместе с ними. Поэтому, когда меня вызвали и увели в отдельный кабинет, я даже не понял, в какой павильон меня распределили, но и не стал переспрашивать, просто подписал документы. Я был уверен, что буду сидеть дальше со старыми знакомыми.

Ещё через полтора часа, когда всех уже распределили, снова пришли охранники. Они выкрикивали фамилии, формировали шеренги и под конвоем уводили эти шеренги к автобусам, которые стояли на выходе из корпуса.

Меня и ещё нескольких человек завели в автобус. Пристегнули наручниками к сиденью. Довольно долго мы ждали, пока приведут остальных. И через

какое-то время в автобус начали заводить других заключенных. Это были те самые отмороженные латиносы – Марино и его компания. Я понял, что если сейчас попаду в один павильон с ними, будет намного хуже – у них там будет сильная поддержка.

Оглянулся вокруг – мои попутчики, те, кто сидел в автобусе в ожидании развоза, очевидно, тоже побаивались отморожков. Тем более, что те сразу начали провоцировать: одному, по кличке Тарзан, они все время выкрикивали: «мы тебя съедим, Тарзан, мы будем очень долго тебя есть». Я видел его испуганные глаза, но не мог поддержать, потому что он сидел далеко, через несколько сидений от меня, а я был пристегнут.

Дошла очередь и до моего соседа по сиденью. Ему кричали: «нам было очень холодно и грустно этой ночью. Ты пожалеешь об этом». Тот дрожал и тихо повторял: «прости-прости, брат, извини».

Наконец, обратились и ко мне. Сам Марино. Посмотрел прямо в глаза: «Русо, как дела?». Я испугался, но понимал, что этого нельзя показывать. Ответил ему сухо: «Нам надо будет поговорить». Этого он не ожидал. Замолчал на время, продолжая смотреть в глаза. Потом уже ответил: «Хорошо, Русо, поговорим».

В таком напряжении нас везли на автобусе до нового павильона, а я думал только о том, что проблемы будут продолжаться. И будет война. После карантинного блока я был уверен, что весь автобус точно окажется в одной камере. Я настолько озверел за эту неделю, что в тот момент думал только о том, как выжить. И если бы меня тогда спросили, могу ли я убить человека, то, глядя на Марино и всю его конченую компанию, я бы, наверное, ответил, что да.

Территория тюрьмы была большая, но на автобусе мы доехали до корпуса минут за десять. Внутри был большой коридор с небольшими камерами типа полицейских. Меня и еще семь человек затолкнули в крошечную каморку

размером метра в три. Все стояли вплыв, невозможно было даже присесть – очень тесно. Кто-то попытался закурить, но воздуха не было.

Тюремщики начали по очереди вызывать заключенных. Нужно было расписаться в каких-то бумагах, взять в подсобке грязный матрац, и пройти в павильон. Я ждал, когда меня вызовут, но мое имя так и не прозвучало. Прошло два часа, я остался один в камере.

Новое место и старые знакомые

Первое, что меня удивило – со мной разговаривали очень спокойно. С другими – грубо, нетерпеливо. Для меня это было странно. Мне сказали, что я буду сидеть в секторе с первопроходцами, МД-Уно. Мне это ни о чем не сказало, я согласно расписался в таблице.

Тут произошло второе, что меня удивило – я не сам пошел за матрацем, а мне его принесли. И он был не старым, не грязным, а новым и запакованным в полиэтилен.

Почему? И почему они пытались улыбаться, шутить? Я вообще не понимал, что происходит.

Охранник, обратившись ко мне жестом, показал: «идем со мной». По дороге он поддерживал вежливую беседу, спрашивал, как там обстановка в России. Это было очень странно – я настолько привык, что тюремщики относятся к заключенным безразлично, что такое внимание сбивало с толку.

Мы пришли в помещение, посередине которого была стеклянная капсула с охранниками, наблюдающими за порядком на мониторах. Вокруг капсулы были двери в отдельные павильоны. Сектор назывался Е, и считался привилегированным. Павильоны в нем шли под номерами: Е-1, Е-2, Е-3 и Е-4. Павильон Е-1 был для бывших полицейских. Е-2 был самым беспокойным

павильоном. Как узнал позже в нем чаще чем в других проходили обыски. Лучшими павильонами были Е-3 и Е-4. Мне достался Е-3.

Павильон состоял из 20 камер. Меня подвели к одной из них. В ней было три койки, все свободные, и стол у стены. За ним сидел мужик, чье лицо мне показалось знакомым. Он встrepенулся, подошел ко мне, обнял. Это оказался Фернандо, 56-летний аргентинский адвокат. Если в первой тюрьме мы почти не разговаривали, то здесь он буквально накинулся на меня: «Русо! Как твои дела? Как прошла неделя в карантине?».

Я сказал, что было не просто. Постоянное воровство. Периодически драки. Фернандо ответил, что понимает, протянул пачку «Парламента» и принес откуда-то комплект постельного белья. Сказал, что в моей камере он просто учится, чтобы его никто не отвлекал, а так она свободна. Я оглянулся: на столе, действительно, были свалены какие-то книжки, тетради. Фернандо тем временем приготовил мне термос с горячим мате: «Я тебя оставлю отдыхать. Пей мате, кури, набирайся сил». И вышел.

И я первый раз за невероятное количество времени остался один. Почувствовал каждой мышцей, как начинаю расслабляться. Будто огромная тяжесть упала с плеч, и больше не нужно постоянно быть начеку, следить за своими вещами, за окружающими. Я сидел на койке в пустой камере, на коленях лежал пакет постельного белья, а я курил и не мог пошевелиться от внезапной усталости, которая меня догнала.

Никто не шумит. Никто не угрожает. Ни с кем сегодня не придется драться.

В тот момент мне было настолько хорошо, что камера показалась гостиничным номером со всеми удобствами. Там был отдельный туалет и раковина. Стояли три свободные кровати. И даже стол, за которым можно было писать. Я достал постельное белье, оно оказалось совершенно новым. Невероятно для тюрьмы.

Тогда я лег в койку, и закурил. Я пускал дым в потолок и ни о чем не думал. И

это было чувство долгожданного, все наполняющего спокойствия.

Спустя часа полтора или два в дверь постучали. Зашел высокий, крепко сложенный парень. Представился: Эрнан. Я смотрел на него, и поражаюсь, насколько он похож на мою маленькую дочь. Те же глаза, брови. Уже потом, когда я освободился, показывал его фотографии жене, мол, правда ведь, напоминает дочку? Жена тогда тоже сильно удивилась, какими бывают совпадения. Ещё один момент который меня удивил, но о котором я узнал позже. У Эрнана и моей дочери день рождения был в один день.

Я отметил, насколько аккуратно и стильно он одет. Это было настолько необычно для тюрьмы, особенно, после карантинного корпуса, где сидели, в основном, наркоманы и воры в замызганных куртках.

Но главное, что было удивительным – то, как он со мной заговорил. Он специально делал паузы и подбирал слова, чтобы я его понимал. Мы сразу же разговорились – я почувствовал к нему доверие.

Мой друг Эрнан

Эрнан начал с того, что не любит Аргентину. Аргентинцев он считал необязательными. Рассказал, что у него итальянские корни – его отец чистый итальянец, а мать наполовину итальянка, наполовину француженка. Он гордился тем, что не аргентинец.

Потом он принёс какие-то журналы и начал мне показывать. Я до сих пор не могу понять, зачем он это делал. Штук пять журналов, 2018-19 годов, что-то там показывал, рассказывал. Я его с интересом слушал, ну, или делал вид, что слушал, потому что понимал не все. И тем более не понимал, почему он мне все это рассказывает.

Я успел ему рассказать, что занимался спортом и выступал по ММА. Эрнан

же 20 лет занимался тхэквондо. Он рассказал, что тренирует заключенных. Просто потому, что ему это нравится. Занимался с ними и в этой тюрьме, и в других. Я согласился тоже попробовать, и уже вечером мы устроили первую тренировку.

По нему сразу было заметно, что он сильный. Высокий, крепкий. До знакомства с ним я не сталкивался в Аргентине с бойцами, которые превосходили бы меня в силе или технике. Но на первой тренировке я с удивлением заметил, что наши силы равны.

Единственным уязвимым его местом были эмоции. Стоило ему им поддаться, его уже можно было победить. Уже позже, после регулярных тренировок, я понял, что это зависело от его настроения. Во времена подъемов он иногда оказывался сильнее меня. Во времена спадов – намного слабей.

В этот же день ко мне приехала Надежда. Она привезла вещи и продукты, а также книгу на русском языке. Забавно, что ни до, ни после книги в тюрьму передавать не разрешали. Это было опасно – в корешок или между страниц можно было спрятать много чего запрещенного. В том числе, и зашифровать что-то в тексте на иностранном языке. Потом уже мне рассказали, что главным страхом тюремщиков было то, что в книге может быть рецепт бомбы на русском. Получается, что в тот раз книгу я получил совершенно случайно.

Надежда сказала, что завтра меня должны освободить. И они с адвокатом приедут меня встречать. Мы договорились созвониться вечером, обсудить детали моего выхода на свободу.

Весь день я был в предвкушении, что скоро окажусь на воле. Расслабился, можно сказать, даже проводил время с удовольствием, полагая, что это мои последние сутки за решеткой.

Но вечером, когда я позвонил Надежде, она сообщила, что на мою экстрадицию пришли документы из России... Что теперь ситуация сильно меняется. И непонятно, что делать дальше. Я стоял с телефонной трубкой,

как оглушенный. Надежда продолжала говорить: что должно быть ещё одно заседание суда, на котором нужно будет сказать, согласен я на экстрадицию или нет? Если я от нее откажусь, то административный порядок заканчивается и начинается большой судебный процесс, который займет неизвестно сколько времени.

Грубо говоря, у меня был последний шанс, чтобы согласится на экстрадицию. И шанс, что меня просто заберут. Надежда сказала, что и она, и адвокат уверены, что мне надо соглашаться покинуть Аргентину. Что они еще придут ко мне за день до заседания суда, и мы еще раз проговорим сценарий, что и как говорить. Но она настойчиво рекомендовала соглашаться на экстрадицию.

В общем, бумаги пришли. Материалы по моему делу. Около 250 страниц на русском и испанском языках. Через несколько дней должен быть суд.

Я рассказал об этом Эрнану. Он как-то не особо комментировал, именно по этой ситуации советов давать не стал. И только позже я понял, почему.

Накануне суда мы должны были встретиться с Надеждой и адвокатом, проговорить все возможные сценарии следующего дня. Я ждал этой встречи, потому что не был уверен в своем испанском, и мне было важно хорошо подготовиться заранее. Я чувствовал смутную тревогу, потому что не до конца понимал, что происходит.

Общение с Надеждой становилось все более напряженным: она как будто уходила от моих вопросов. Сначала настаивала на экстрадиции, говорила, что это главное. Потом сменила тему, сказала, что суд – формальность, и мне просто сообщат о том, что пришли материалы дела.

В итоге ни Надежда, ни адвокат не приехали.

Тяжёлая судьба Гринго

Я убивал время в ожидании хоть каких-то вестей от Надежды, не понимая, что теперь делать. Приближался вечер, а никакой информации не было. Суд уже завтра. Я дождался очереди к телефону и снова ей позвонил. Она повторила, что мне только озвучат положение дел и волноваться не стоит.

Но не волноваться не получалось. У меня появились сомнения в том, говорят ли мне Надежда правду, могу ли я ей доверять?

Я спрашивал у Эрнана, что тот думает по этому поводу, но, как и в прошлый раз, он только кивал и никак не комментировал, говорил только, что подумает.

Тем временем, в камеру постучали. Передо мной стоял высокий парень лет 28, блондин, из тех, кого называют "золотой молодежью". На его руке поблескивали дорогие часы. В этом павильоне уже разрешали носить часы, крестики и талисманы. Он был одет по последней моде. Его звали Гринго. Он оказался в тюрьме за то, что убил свою мать.

Уже позже я узнал, как это произошло. Ему было 13 лет, когда мать оставила их с отцом и уехала с мужчиной, младше ее на 10 лет, в Бразилию.

У семьи Гринго была ферма в пригороде Кордобы. Там разводили лошадей и коров. А его отец владел бизнесом в Буэнос-Айресе. Периодически надолго уезжал туда по делам. Гринго с малых лет оставался на хозяйстве за старшего. На ферме был наёмный персонал, но его работа требовала контроля. Да и парень был увлечён этим. А позже поступил учиться в профильный колледж. Изучал производство продукции и рынки сбыта, как я понял. С 18 лет он уже работал в крупной аргентинской фирме по международному сбыту сельхозпродукции.

Когда Гринго было 23 года, его мать вернулась. Заявила, что ферма принадлежит ей, и он не имеет никаких прав. Однажды, поздно вечером, он вернулся навеселе с какой-то вечеринки. Слово за слово, и с матерью возник очередной конфликт. Он схватил висящее на стене ружьё и выстрелил. Затем выстрелил ещё несколько раз. После этого позвонил своей тете, сестре

матери. Она много помогала ему когда родителей не было дома и была для него близким человеком.

Он позвонил ей, не зная, что делать дальше. Я не понял деталей их разговора. Понял, что разговаривали они долго и не один раз. В процессе этого парень отвёз труп своей матери в поле. На расстоянии нескольких километров от дома. Попытался закопать. Но был в сильном стрессе и не продумал детали. В итоге, через несколько дней полиция нашла в поле тело. Гринго признался в содеянном и его осудили. Его приговорили к 35 годам заключения.

Когда его посадили, ему было 23, а это значит, что на свободу он выйдет только в 58 лет. Почти всю свою сознательную жизнь он проведёт в тюрьме. Тетя и ее муж всегда приезжают к нему. Не пропускают ни одного дня визита. Несколько раз я видел в тюрьме и его отца.

Узнав эту историю, я столкнулся с тем, что она вызывает у меня противоречивые чувства. Без обсуждений, убить свою мать – это недопустимо. Какая бы ни была на неё обида. И как с осознанием этого жить дальше? Нет этому оправданий. И обида, и алкоголь. Это не извиняет такой поступок.

Но при этом, где-то в глубине души, мне было жалко этого парня. Вся жизнь была впереди. Жизнь, которую он проведет в тюрьме. Где каждый новый день будет таким же, как и предыдущий. Замершая картинка. А когда он освободится, если доживёт (потому что его посещают периодически суицидальные мысли), то выйдет уже пожилым. Кто его встретит там?.. Доживут ли до этого времени его тети и отец?.. Как будто вся жизнь прошла мимо.

Тюрьма или кафе?

Вечером, когда пришло время ужина, в камеру заглянул Фернандо, адвокат, которого я встретил сразу после заселения. Он пригласил меня

присоединиться к нему и другим заключенным за ужином. Мы прошли в общую зону этого павильона. Там стояли холодильники, висела плазма и стояли столы. За одним из столов уже сидело пять человек. Я был шестым. Мне сказали, что каждый вечер, в 21:00 все встречаются на ужин здесь.

К нам подошел молодой латинос, лет 25-30, и мне сказали, что он обслуживает наш стол. Фернандо объяснил, что каждый за нашим столом платит по 300 песо в неделю за помощника, который занимается сервировкой стола. Мы приходим, стол уже сервирован – тарелки и все остальное на нем уже есть. После обеда он же все аккуратно собирает и убирает со стола. Всю еду, которую нам передают, мы будем собирать вместе и каждый день на столе будет что-то новое, но не тюремное.

Я обратил внимание, что некоторые заключенные ели металлическими ножами и вилками самопального изготовления. Их делали из пластиковых зажигалок и каких-то металлических обломков. Из зажигалок выплавляли ручки, куда были встроены куски металла, служившие самой вилкой. Мне тоже показалось это интересным, я не хотел есть пластиковыми приборами. Попросил Фернандо, чтобы он нашел мне, где купить.

Я сказал, что у меня сейчас ничего нет на стол, и я не знаю, когда мне что-то передадут. Ответили, что это не проблема. Что пока так, а потом разберемся. Потом поделишься, как что-то передадут.

Латинос принёс нам стейки, пасту и хлеб. Несколько бутылок с водой. Мне представили еще одного заключенного, лет 45-50, он отвечал за холодильники. Заведовал хранением и выдачей. Холодильники были горизонтальными дверца в них открывалась вверх. Там было много продуктов, и самостоятельно брать было нежелательно, потому что все хранилось по системе. Ему заключенные платили по 200 песо с каждого, раз в неделю. А по ночам он ещё и мыл общий зал.

На стене в этом зале висел плазменный телевизор. В тот день вроде был футбол и его все смотрели. В первый день за столом меня все спрашивали о

войне, о России – я старался отвечать дипломатично. Еще я заметил, что в этой тюрьме были шахматы. Кто-то играл в них с краю стола. Как в прежней тюрьме, там были и карты. Только здесь они были уже цивилизные – один из столов накрывался зеленым сукном, игрокам раздавались фишки – было почти как в казино. И играли. Уже потом меня много раз приглашали присоединиться, но как-то я с ними ни разу так и не сыграл. Еще там много играли в домино, и вот на него я уже потом подсел и даже стал всех обыгрывать.

Аргентинцам в тюрьму чаще всего передают готовую еду. Пасту с овощами. С мясом. Лазанью. Мясо жареное и стейки. Картошку готовую. Хлеб. Но он долго не хранится, поэтому мы ели тюремный. Салаты. Помидоры и огурцы.

Каждый раз после окончания ужина в тюрьме был десерт. Ответственным за сладкое был Лео – Леонардо, 35-летний чувак, сидящий рядом со мной за нашим столом. По профессии он был инженером, но здесь «переквалифицировался» в кондитеры. В основном он готовил два вида десертов: чоко-торта – крошил крекеры и выкладывал слоями со сгущенкой и какао, а затем замораживал в холодильнике; и сыр с мармеладом – тонкими ломтиками нарезал сыр и мармелад и тоже слоями их чередовал. Кому-то нравился сыр с мармеладом, а я больше любил чоко-торта.

Конечно, алкоголя не было. Как и наркотиков. Но другие павильоны были не такие, как наш. Там можно было достать что угодно: таблетки, траву, наркотики, ножи. Всё можно было купить. Обычно в библиотеке мы пересекались с людьми из тех павильонов или на общественных работах.

Алкоголя не было официально. Хотя, один парень за соседним столом делал настойку. Апельсины и мандарины перегонял с сахаром, получалась такая крепкая цитрусовая бражка. Довольно вкусная, если учесть, в каких условиях ее делали.

Казино и домино

В общем зале был большой стол, состоящий из нескольких маленьких. Всё это накрывалось плотной материей. Импровизированное казино. Там раздавались карты и люди играли в покер. На очки, на деньги. Еще там были шахматы и домино. В шахматы долго играть, поэтому в них не очень хотелось. А домино поживее...

На второй день я подошел к игрокам в домино и стал играть с ними. Так и втянулся. Эрнан в домино играл не очень. Это было удивительно, потому что в шахматы он меня быстро разделал.

– Это будет самая быстрая игра в домино. Я легко и быстро обыграю вас. Засекайте время.

Это произнес высокий плотный чувак, весом более 100 кг, подсаживаясь за стол. Мы с Эрнаном играли в домино. Эрнан проигрывал со счетом 3:0, легко обыграв до этого меня в шахматы. Мы переглянулись. Играть втроем интереснее, чем вдвоем. Да и заявление этого парня раззадорило нас.

– Давай, Факундо, сделай это!

Ответил ему мой друг. Факундо смотрел на нас с нескрываемым превосходством. Мне захотелось поставить на место этого парня. К тому же, накануне он обсуждал со мной Эрнана. И сказал, что он рогатый – жена наставила ему рога. Меня ещё тогда покорило это. Эрнан искренне старался мне помогать. И мне было обидно, если кто-то шутил над ним. Факундо не был вредным. Он отзывался на любой запрос о помощи. Но вот попытки его держаться выше других напрягали.

– Давай, Амиго. Покажи нам.

Мы сыграли несколько партий. В одной из них Эрнан вылетел первый. Но дальше я разделал Факундо. Во второй раз первым выбыл Факундо и затем я

обыграл Эрнана. И в третий раз выиграл Эрнан, но снова проиграл Факундо. Я похлопал парня по плечу. Сказал, что повезёт в любви. Кстати, в Аргентине есть такая же поговорка – «не везет в игре, повезет в любви».

Однажды, во время вечерней тренировки с Эрнаном, Факундо решил присоединиться к нам. Он делал упражнение с импровизированными гантелями. Я увидел, что он делает неправильно, подошёл поправить его. Но тот отмахнулся и сказал, что сам знает, как надо.

Чуть позже я тренировал Гринго по боксу. Затем, увлекшись, мы решили поспаринговать, но бить не кулаками, а ладонями. Вокруг нас собралась толпа зевак-заклочённых. Гринго быстро устал. Я предложил побороться и быстро вышел на удушающий.

Среди заключённых был Факундо.

– Гринго на 15 кг весит меньше тебя, попробуй побороться со мной.

– Ок. Давай так. Я лягу на спину. Ты попробуешь меня в течении минуты удержать сверху, чтобы я не смог выбраться.

– Легко!

Я лёг на спину, Факундо расположился сверху, делая удушающий прием. Я вспомнил, как на тренировках с Олейником делал мой любимый выход.

Нужно было просунуть левую руку под правую ногу соперника, сделав мост, потянуть ногу противника вверх, в это время согнувшись и, просунув голову под его ногу, выйти из-под захвата. Дальше нужно было резко сделать болевой или удушающий. Я сделал удушающий приём – «север-юг».

Факундо постучал по полу.

– Ого, Русо! Ты поборол этого толстяка за 15 секунд!

Воскликнул Гринго.

– Ты порвал мне футболку. Смотри.

Расстроено сказал Факундо.

– Извини, брат, я не специально.

Я встал с пола и подошел к Эрнану.

– Круто, ты это сделал. Поставил на место. Я говорил по телефону, но все видел. Быстро и технично. Но прошу тебя, больше не делай этого. Вы были на полу. Около тяжёлых дверей в камеры. Если бы в этот момент кто-то резко открыл дверь, то мог насмерть зашибить. Ударив по голове. Зачем тебе это? Не делай больше так.

– Хорошо, я понимаю. Слушай, я случайно порвал футболку Факундо. Отдам ему свою. Это мелочь. Но ему будет приятно.

Чуть позже так и сделал. Ему и правда было приятно.

Со временем узнал историю Факундо. За что его арестовали. Он обеспечивал логистику перевозки кокаина. С севера Аргентины на юг. Владел автопарком грузовиков. Также он имел политическую поддержку на юге. Поэтому его транспорт практически никогда не досматривался. Кроме одного раза, когда была большая проверка. В тот раз он и попался.

Тюрьма меняет человека

Время и события в тюрьме приобретали совершенно иной масштаб. Время растягивалось, а мелкие события в течении дня, на которые раньше не обратил бы внимания, казались важными. Все, что происходило по ту сторону, было будто совершено другой реальностью, не имевшей ко мне отношения.

Например, моя победа в домино казалась для меня важной. А сообщения, которые писала для меня моя помощница Надежде, чтобы та мне их зачитывала, казались нереальными. Как-то Надежда прочла мне сообщение, что ребята заключили крупную сделку. А для меня, спящего на железной койке, питающегося с помощью самопальных приборов и испытывающего много других ограничений, это было как вести из другого мира.

Возможно, я и сам менялся. По другим это было заметно. Вот, например, бывший главный пожарный провинции Кордоба. Общавшийся раньше с губернатором, знавший лично всех высоких чиновников. В тюрьме он казался парнем из неблагополучного района, избегавшим споров с другими заключёнными. Помню, он как-то попросил Эрнана подстричь его. Обычно Эрнан никому не отказывал, и в этот раз тоже согласился. А я пошутил, что теперь я менеджер Эрнана и пусть он платит мне деньги. Эрнан смутился, а этот пожарный не нашел, что ответить.

В тот же день, после этого случая, я как раз и узнал, кем был этот чувак до тюрьмы. Узнал и очень удивился.

Такое ощущение, что люди тут становились самими собой. Срывались маски, карьерные достижения, связи. Обнажались личные качества. И мне в тот момент человек был либо лично интересен, либо нет. И все равно было, кем он был до тюрьмы. Я хорошо общался и с латиносами, и с некоторыми наркоторговцами, и с адвокатами, например. Учитывая, что я слабо владел языком, я в основном смотрел на то, как человек себя ведёт. Как проявляются его реакции в общении с другими и со мной. Старался наблюдать невербальные реакции.

Тут ярко проявляется гниль и, наоборот, сильные качества становятся очень заметны.

Это место обнажает суть людей.

Неожиданная помощь

Суд был назначен на 11:00 утра. В 10:00 по громкой связи назвали мое имя и добавили: «адвокат». Я подумал, что приехал тот самый адвокат от Надежды. Но следом за моей, по громкой связи объявили фамилию Эрнана. Мы вместе вышли из камеры, и он сказал, что это приехал его знакомый

адвокат, которому можно доверять. Оказывается, он попросил, чтобы тот приехал за час до суда и меня проконсультировал.

Эрнан тогда вспомнил мою фразу о том, что игра в домино очень похожа на жизнь. Новая фишка – новые возможности. В жизни также, новый день может дать новые возможности. Так я познакомился с Кристианом.

Уже потом я узнал, что этот адвокат сидел два года в этой же тюрьме. Эрнан ему помогал, и также тренировал его: у Кристиана был избыточный вес, 130 кг. Эрнан заставлял его бегать, отжиматься. И когда я увидел Кристиана, я бы ни за что не поверил, что человек мог весить на 40 кг больше. Это был мужчина среднего роста, не толстый, и не худощавый. Уже потом после выхода из тюрьмы мы пересеклись и пили кофе вместе, тогда он показал свои старые фото – там он действительно был похож на воздушный шарик.

Тогда же, утром за час до суда, адвокат приветливо мне улыбнулся и представился. Он был глубоко верующий. Рассказал, что много лет назад прожил несколько месяцев в России, изучал русский язык. Он попытался со мной немного поговорить по-русски. В целом, смысл того, что он говорит, мне был понятен.

Кристиан рассказал, что по дороге к нам заехал в суд и узнал, о чем будет аудиенция. Ему сказали, что меня будут спрашивать, согласен ли я на экстрадицию, или нет. Это было очень важно, потому что в воскресенье я созванивался с Надеждой, и она сказала, что ни о чём спрашивать меня не будут. Просто административный процесс, тебе сообщат, что пришли материалы из России и срок пребывания в тюрьме продлен. Не знаю, зачем она так сказала.

Это было такое случайное стечение обстоятельств. От меня здесь совсем ничего не зависело. Я не мог предположить, что у Эрнана есть знакомый адвокат. Я не просил Эрнана, чтобы он ему позвонил.

И этот адвокат – Кристиан – сказал мне, чтобы я не соглашался на

экстрадицию. Что надо отказаться. А дальше будем думать.

На самом деле, меня это очень выручило. Я до сих пор очень благодарен Эрнану, потому что эта случайность сильно изменила ход событий.

Во второй тюрьме помещения для встреч с адвокатом были похожи на те, что были в первой. Такие же стекла с дырочками. В одну из них Кристиан протянул мне сигарету. Я, чтобы не обижать его, взял.

До суда оставался час. Но я уже чувствовал себя к нему готовым. Ктому же, Эрнан сказал, что пойдет со мной на эту аудиенцию. Он хотел поддержать меня и послушать со стороны, о чем все будут говорить.

Посмотреть на реакции Надежды и другого адвоката, потому что у меня были сомнения насчет них.

Ну, как так, получается, она настаивает на том, чтобы меня экстрадировали? Говорит, что других вариантов нет. Почему мне сказали, что у меня ничего не спросят? Говорили, что это будет просто формальность. Я засомневался в том, что она говорит мне правду, и Эрнан предложил меня сопроводить, чтобы поддержать и со своей стороны посмотреть, что происходит.

Ему удалось договориться с охранником, чтобы его допустили, хотя это вообще-то было запрещено правилами.

Мы прошли в отдельный стеклянный кабинетик. Там стояли мониторы, на которых транслировала конференция в «скайпе». Заседание началось.

Суд идет

Я был настроен решительно. В тот момент я ощущал сильный прилив энергии – чувствовал поддержку Эрнана и Кристиана. Еще до входа в помещение, где проходил суд, я спросил у адвоката, во сколько мне обойдется его услуги. Он же ответил, что не возьмет с меня денег. Что он верующий

человек, ему нравится Россия и русские и если я захочу его отблагодарить, то лучше пусть я сделаю это, когда выйду на свободу.

С одной стороны, это было странно, потому что когда человек не говорит, сколько стоит его работа, я всегда жду подвоха. С другой стороны, Эрнан мне сказал, что Кристиан действительно очень верующий, и что ему можно доверять.

В общем, когда началось заседание, я был полон энергии. В камеру я отчетливо произнес, что не хочу, не готов к тому, чтобы меня экстрадировали. Сказал, что если нужно, я готов вернуться в Россию сам. Но не хочу возвращаться в Россию в наручниках. Предложил такой вариант, что если меня отпустят сейчас, я дам расписку о том, что условно через месяц я приеду в Россию самостоятельно.

В тот момент я действительно был готов уехать. Понимая, что меня могут закрыть. Но мне нужен был хотя бы месяц, чтобы глотнуть свободы и вернуться к рабочим делам. Потому что я знал, что ситуация в бизнесе хреновая, что я легко могу его потерять. И мне нужно было время, чтобы сделать так, чтобы хотя бы спасти деньги, которые были в него вложены. Поэтому мне нужен был хотя бы месяц. В общем, я сказал, что если суд устроит такой вариант, то я могу написать расписку, что готов уехать.

Суд предложил все же экстрадицию, но я от нее отказался. Секретарь суда меня предупредила, что теперь формальные слушания закончились, и следующим будет уже большой суд. Что сейчас они будут искать официального переводчика. Если раньше в роли переводчика выступала Надежда, то после окончания административного слушания для официальных процессов нужен будет легализованный переводчик. Его нужно искать. Когда найдут, начнется процесс. На этом суд закончился.

Обратно в павильон мы возвращались вместе с Эрнаном. Он похлопывал меня по плечу, говорил: все нормально, я все видел, все будет хорошо. Мол, секретарь сначала была негативно настроена, но ты говорил-говорил-говорил, и она, кажется, поменяла свое отношение. Тем более, все должно быть хорошо.

Вообще очень удивительно, что Эрнан все время мне говорил, что я скоро выйду. Даже когда я сам думал, что застрял в тюрьме надолго. Бывали такие моменты, когда я так думал. Но Эрнан повторял, что я быстро освобожусь. Он из таких людей, которые хорошо чувствуют какие-то вещи... Так и говорил: «я знаю, что ты скоро выйдешь, поверь мне, ты выйдешь, я каждому заключенному говорю, когда он выйдет».

Конечно, Эрнан фантазировал, что меня освободят уже через две недели. В итоге это все переросло в несколько месяцев, но все равно он оказался прав. А знать он это не мог. Просто чувствовал. Почему-то я сейчас думаю, что и Эрнан скоро выйдет... не знаю, почему... что он выйдет не через десять лет.

В павильоне я столкнулся с Фернандо. Он хорошо ко мне относился. Можно сказать, первые несколько дней меня опекал.

Там было правило, когда приходит перепись вечером, нужно надевать штаны – в шортах нельзя выходить, и нужно надевать ботинки. Я обычно ходил в кроксах, а на перепись нужно было переобуваться. Фернандо приходил ко мне и просил, чтобы я подготовился. Мне было лень. А он настаивал. Хотя, Эрнану он не нравился – тот считал, что Фернандо, как пиранья. Он адвокат, он обманщик. Мошенник.

Но у меня с ним сложились хорошие отношения. Вот и сейчас, столкнувшись в павильоне, он снова меня предупредил, что позже будет перепись, и мне нужно быть готовым. Я слушал его, но сам думал о другом: о том, что сегодня я подвел черту, отказавшись от экстрадиции, и теперь мне нужно разбираться со своим делом здесь, в Аргентине. Уже на большом суде. И мне

нужно будет подготовиться к нему как можно лучше.

Тренер по боксу

В 9 вечера наш стол собрался за ужином. Обслуживал латинос Хабиб. Приносил посуду, разогревал и подавал еду. А после ужина мыл посуду и убирал стол. Он был из простых аргентинцев. В тюрьме оказался за продажу наркотиков. Несколько лет сидел в другом модуле, там было беспокойно – кражи, драки, многие заключённые употребляли наркотики. Перевод в наш павильон был для Хабиба награждением за хорошее поведение. Еженедельно каждый из нас, сидящих за этим столиком, платил ему 300 песо за такую работу.

В тюрьме был и еще один латинос, молодой, лет 25-ти – он отвечал за стирку белья. Заключенные могли стирать и сами, в раковине с мылом, или отдавать ему, чтобы он постирал за деньги. Я предпочитал отдавать ему. Рядом с входной дверью в его камеру висел лист с расценками. Например, постельное белье – одна цена, джинсы – другая, футболки – третья. В целом, цены не были высокими, даже дешево. Поэтому проще было отдать вещи ему и не заморачиваться. Чтобы постирать джинсы, нужно было заплатить 80 песо, это что-то около 20 рублей, футболку – 50 песо. Он стирал, гладил, приносил. Было удобно, такой тюремный сервис.

Между заключенными в тюрьме торговали сигаретами, альфахоросами. Одежду, наверное, можно было бы найти при желании, но я не искал. Эрнан мне подарил несколько футболок, а я ему. Такой обмен одеждой произошел. Мелкие лекарства можно было запросить у медперсонала. По назначению врача тюрьма обязана была выдавать необходимые лекарства. Каждый вечер к двери павильона приходила девушка – медсестра, и в микрофон объявляли, что нужно подойти забрать лекарства по назначению. Кому-то лекарства привозили родственники. Витамины нам не давали. И апельсинов в этой тюрьме не было, как в первой.

Еще был человек, который стриг. Стрижка стоила 100 песо. Все это были не предприниматели, а ребята, которых перевели из других, худших павильонов, в наш за хорошее поведение. Для простых людей это были нормальные деньги, на которые они могли жить в тюрьме, покупать себе что-то. В Аргентине доходы намного меньше, чем в России. И они таким образом имели какой-то доход. Вот

человек, который холодильники обслуживал и мыл пол, за месяц мог 50.000 песо заработать, то есть, примерно 12.000 рублей. С одной стороны, это мало, с другой – для Аргентины, а тем более, для тюрьмы, это нормальные деньги. На дешевые сигареты, на всякую мелочь, вполне достаточно. Другие зарабатывали примерно также. Для них это было хорошее подспорье. Ну, и труд не давал замыкаться в себе.

После ужина я захотел выпить кока-колы. Подошел к Гринго, тому самому, что сидел за убийство матери. Спросил, где можно купить, он пообещал достать. Чуть позже он заглянул в камеру с бутылкой колы и бутылкой льда – лед здесь делали, замораживая воду прямо в бутылке, а затем дробя его на маленькие кусочки.

Гринго присел на койку, мы разговорились, он рассказал о себе. О том, что с ним произошло, как он это все переживает. Рассказал, что занимался раньше боксом, и если я хочу, мы можем тренироваться вместе с ним. Зашла тема о религии, о Боге, я сказал – мне сложно понимать, кто это. Кто такой – Бог? Я считаю, что есть высший разум. Спросил его мнение. Он дал расплывчатый ответ, что он математик. Я парировал, что одного другого не исключает.

Так как в тюрьме проблема со спортивным инвентарём, то для тренировок мы взяли у Эрнана его старые кроксы. Надев их на руки, использовали, как лапы для отработки ударов. Я придумал комбинации ударов, и мы по три минуты их отрабатывали. Гринго выглядел крепким и сильным, но быстро задыхался. Мне было гораздо проще, хотя я давно не занимался боксом.

Иногда он попадал кулаком по моему большому пальцу, который немного

выпирал. В итоге, разбил его в кровь. Я терпел. Мне хотелось помочь ему, очистить голову. Он старался.

Так мы начали наши тренировки. Уже потом Гринго своей тете и отцу представил меня, как своего тренера по боксу.

Односторонняя связь

В большом зале, где мы обедали, стояли столики и стулья, висел плазменный телевизор на стене, со спутниковым телевидением. Там было много каналов, постоянно что-то показывали. Около двери слева и справа висели телефоны. И, в отличие от первой тюрьмы, там был конкретный график. У каждого заключенного была возможность звонить три раза в день по десять минут, это называлось «турно». Люди между собой менялись своими турно, но все же был порядок. На стене висели списки, кто, когда, во сколько звонит.

Поэтому со связью было проще. Но эмоционально было сложно общаться, особенно мне с женой. Она пыталась найти мне новых адвокатов в Аргентине, сильно нервничала. Часто бывало, что мы ругались по телефону. Она бросала трубку. Потом я несколько дней не звонил, чтобы остыть.

Я не доверял людям, с которыми она работает. Думаю, что если бы я сам этим занимался, было бы меньше потерь. Её тупо разводили, и я понимал это. Пытался до неё донести, но она была уверена, что сама все понимает. Не готова была слышать мои аргументы. Примерно так.

Я спросил:

– Сколько будут стоить их услуги?

А жена:

– Я тебе не скажу.

– Как ты не скажешь?

– Просто не скажу. Считаю, что это не нужно тебе сейчас знать.

Если бы я сидел рядом, или это был бы нормальный телефонный звонок, когда можно сказать: какого хрена, почему ты решаешь вопросы, не согласовав со мной. Но, когда она просто бросает трубку, а ты понимаешь, что время звонка ограничено, а в следующий раз можно позвонить только на следующий день... Отстаивать свою позицию очень сложно.

Односторонняя связь.

Я пытался сказать ей, что деньги для меня – это, прежде всего, основа безопасности семьи. Я для этого их и зарабатываю. И я чувствовал, что ее разводят, и появляется угроза этой безопасности. Мне было важно контролировать все, для того, чтобы всегда быть уверенным в том, что я могу защитить свою семью. Но жена не дослушивала, обрывала связь...

Это меня раздражало. После таких разговоров я был как выжатый лимон. У меня было турно на восемь часов. Утром и вечером. Вечером ей звонить было поздно, разница во времени 6 часов. И получается, в 23.30 отбой, ещё пару часов мы разговариваем с Эрнаном, а в восемь надо идти звонить. Я специально ставил будильник. В 7:30 была листа, листа заканчивалась – мы дальше спали, я после листы условно мог спать ещё 15 минут.

Я этих звонков ждал. Звонил, разговор заканчивался конфликтом... Я ненавижу ситуации, которыми не могу управлять. Ни влиять, ни управлять, ни контролировать. Ты как будто бы находишься в шоу «за стеклом» и смотришь, как горит Москва, и ничего не можешь сделать. Вот это состояние бессилия – оно было ужасно. И ведь не объяснишь другим.

В такие моменты я много курил и жаловался Эрнану. Мы периодически жаловались друг другу на жизнь. Брутальные мужчины тоже иногда на это способны.

Хосе в ожидании вертолѐта

Как-то вечером перед сном мы болтали с Эрнаном.

- Ты же знаешь Хосе из Уругвая?

Я говорю:

- Ну да, знаю.

Хосе был организатором финансовой пирамиды масштабов всей Латинской Америки. Это был реально известный персонаж.

Эрнан рассмеялся, говорит:

- Прикинь, его тут кинули на 50 тысяч долларов! Кинул другой заключенный изнашего павильона.

Я спрашиваю:

- Как кинул?

Короче. Хосе – мошенник. Он сидеть будет очень долго, потому что его половина Латинской Америки ищет. Сначала здесь посидит, потом его экстрадируют и он в Уругвае сидеть будет. Парагвай, Мексика и Бразилия тоже хотят его видеть. У него длинное тюремное будущее. Ещё он гомосексуалист и у него ВИЧ.

Он сидел в одной камере с Гастоном. Гастон – наш общий друг. И вот Гастон и рассказал Эрнану, как было дело...

Из другой камеры к ним повадился ходить один чувак, который сидит за мошенничество. Они с Хосе подружились. И этот чувак наплел тому, что он тоже гомосексуалист. И что он хочет хорошего светлого будущего с Хосе.

Рассказал, что его отец имеет связи и знаком с бизнесменом, который владеет вертолетным парком. И пообещал Хосе, что устроит им побег. Что нужно заплатить денег и за ним прилетит вертолет, приземлится на большом патио с

футбольным полем и заберёт обоих. Выберутся из тюрьмы, и у них будет общее будущее: будут жить долго и счастливо и умрут в один день.

Хосе, на положительных эмоциях, что он тут не один такой, что он встретил человека, кто хочет быть с ним вместе, хочет вместе бежать, через своих друзей дал денег отцу этого чувака.

В четверг отдал деньги, в понедельник должен был прилететь вертолет.

В понедельник Хосе ждал вертолет, в 11.00 утра, ему сказали: жди, в 11.00 прилетит. Он пришел заранее. В 11.00 нет вертолета, в 11.30 нет, в 12.00 тоже нет. После обеда он понял, что что-то не то. Ему сказали: ну, подожди, что-то не получилось, давай на следующий день. На следующий день всё повторилось. Вертолёт не прилетел.

Хосе понял, что его накололи.

А у нас в павильоне был ещё один мошенник. Цыган. И он этому чуваку, который кинул Хосе, сказал: «У меня есть хороший грузовой автомобиль для перевозок, я тебе его дешево продам». Чувак сказал отцу об этом. Отец приехал, отдал чуваку почти все тысячи долларов, а цыган обманул его с документами.

Один кинул другого, третий кинул кидалу.

Иногда мошенники настолько увлекаются выдуманными историями, что сами начинают в них верить. А также часто покупаются на выдуманные чужие истории. Слабое место любого мошенника – они доверчивы. Как стоматологи: люди со здоровыми зубами не идут работать стоматологами, люди, у которых здоровая психика, не становятся психиатрами. И здесь то же - люди, которые мошенники, не только любят придумывать истории, но и когда истории придумывают для них.

Наш павильон был элитный. То есть, находиться в этом павильоне было привилегией.

Хосе, который неделю прождал вертолет, который не прилетел, собрал как-то после обеда в общем зале сходку. Все 50 человек слушали его. Он выступал, мол, вот, меня кинули на 50 тысяч долларов, человек обещал мне помочь... Ну, он не раскрывал подробностей, так, в общих чертах. И мол, я считаю, что он либо должен вернуть эти деньги, либо должен покинуть наш павильон. И предложил проголосовать.

Были те, кто защищали второго мошенника – мол, Хосе сам идиот. Но в итоге, большинство склонилось к тому, чтобы чувака убрали из нашего павильона. В тот же день его перевели в какой-то другой павильон, попроще.

По сути, на этой истории выиграл только цыган – он никак не пострадал. Остался в нашем павильоне, получил бабки за левые документы на машину.

Хосе потерял 50 тысяч долларов, обманувший его чувак обречен на жесткие условия и тоже,наверное, пожалел.

А вообще, в нашем павильоне жило много знаменитостей...

Микрохирургия

Медицина в тюрьме была формальной. Всех, в основном, лечили антибиотиками. Отчасти поэтому, когда у меня на подбородке образовалось воспаление размером с детский кулак, Эрнан сам провел мне операцию, прямо в камере.

Я показал Эрнану свою проблему с вопросом «что делать?». Он же ветеринар. Спросил, идти ли мне к врачу? Эрнан сказал, что это бесполезно, никто мне ничем не поможет. И что он сам мне сделает операцию. Мы зашли к нему в камеру, он посадил меня на стул, настроил свет, чтобы было видно,

взял щипцы, иголку, обеззараживающий порошок.

Направляя свет, он разрезал ткань иголкой, давал выйти воспалению, а дальше обрабатывал антисептиком. Потом дал выпить антибиотики. В тюрьме можно держать у себя антибиотики, их там многие принимают постоянно. Да и вообще, аргентинцы очень зависимы от антибиотиков. Так мы провели мне небольшую операцию. Голыми руками, конечно, без обезболивания.

В тюрьме у меня была ещё одна проблема – сильно болел кишечник. В апреле у меня была операция, за пару недель до ареста. Было больно сидеть, спазмы бывали такими, что я вздрагивал. И ходить не мог, было очень тяжело. Я рассказал об этом Эрнану. Тот ответил, что вряд ли мне тут сильно помогут, но пойдём сходим. Он вызвался идти со мной, потому что по образованию ветеринар и всяко больше понимает, сможет что-то подсказать.

Мы пошли к врачу. Тот посмотрел и сказал, что единственное, что может предложить – это болезненный укол для снятия отёчности. Что мне бы нужен другой препарат, но его нет. Эрнан спросил у него название и ответил, что да, пусть ставит, это все же лучше, чем ничего. Это был очень болезненный укол.

Когда мы вернулись в камеру, Эрнан повторил, что медицины тут, считай, нет. Что он несколько месяцев пишет заявки на стоматолога, потому что сильно болит зуб. Что у него еще и грыжа, и ему больно ходить в туалет, но он даже не надеется, что ему этот вопрос помогут решить. Он рассказал, что из соседнего павильона умер чувак и всем пофигу. Умер и умер. Никакой фактической помощи ему не оказали.

Как-то один из заключенных узнал, что у меня проблемы с кишечником и сказал, что у него похожий случай. Ему помогает лекарство QJ5. Он дал его мне. И мне правда через пару дней полегчало. Я попросил Марту привезти мне это лекарство в следующий раз, хотя до этого она уже была в больнице, и

врач выписал другое. Марта после моего звонка снова съездила в больницу и спросила врача про QJ5, он сказал - нет, это не надо, только то, что я прописал. Я сказал Марте забить и привезти мне то, что я попросил.

По-моему, это был четверг или пятница, не важно, в общем лекарство мне не принесли ни в первый, ни во второй день, ни на третий день. Я подошёл и спросил, почему. Лекарства там выдают под роспись вечером, когда приходит медсестра. И я не понимал, почему мне до сих пор не выдали.

В какой-то момент мы разговаривали с Эрнаном и он ответил - пиши жалобу. Ну, давай. Чтобы было ярче, я предложил написать на русском, а Эрнан чтобы перевел. Для примера, мы так хорошо понимали друг друга, что он переводил мои слова дословно на испанский, не зная русского.

В общем, мы написали это письмо. На половине листа написал я на русском, на половине он на испанском. Я также придумал, что на обратной стороне листа должны расписаться другие заключенные, как свидетели. Эрнану это понравилось. Мы вышли в холл, там как раз все смотрели футбольный матч, и прошли через все столики. Не все, конечно, расписались, но человек 20 набралось.

Утром, когда была листа, я отдал жалобу охранникам. Они, в свою очередь, передают все жалобы директору павильона.

И уже через 1,5 часа меня вызвали к врачу и отдали препарат.

Наркобарон Серхио

Каждый день на площадке патио нашего павильона, обычно после 11, были слышны удары пластикового мячика об стол. Это заключённые играли в настольный теннис. Сделанными в местной столярной мастерской ракетками и принесенными родственниками заключённых мячами.

Я уже очень давно не играл в пинг-понг. Наверное, последний раз играл, когда мне было лет двадцать, на даче у матери. Но как-то решил попробовать. Моим оппонентом стал худощавый мужик лет сорока пяти с правильными чертами лица и смеющимися глазами. Он часто играл и был одним из лучших. Его звали Серхио. Обыграть меня не заняло у него много времени. Со счётом 21:3, если не ошибаюсь. Но я не расстроился, учитывая долгое отсутствие практики, я все же проиграл не всухую.

Преодолев стеснение, с того дня я стал играть каждый день. А в моменты, когда у меня не было соперника, я просто поднимал и ставил вертикально вторую половину стола. Получалась импровизированная стена и я тренировался один. Со временем я научился играть и пару раз даже выигрывал у Серхио. Но это было скорее исключением.

Бывало, когда заключённые играли пара на пару. И я тоже принимал участие в таких играх. Хотя, поначалу играть в паре со мной были готовы не все. Не хотели портить игру и проигрывать из-за моей неопытности. Но Серхио сам периодически предлагал мне сыграть с ним. Тогда я чувствовал свою ответственность и старался не подвести. В большинстве случаев мы выигрывали.

Как-то в дни визитов я проходил мимо комнаты для встреч и увидел жену Серхио. Она произвела на меня впечатление. Раньше я обращал внимание на то, какие женщины приходят к заключённым. В основном, совсем не красавицы. Большинство из аргентинских спутниц не дожидались освобождения, когда их мужчины попадали за решетку.

Жена Серхио была исключением. Очень красивая женщина лет 40. Я видел искреннюю радость в ее глазах от встречи. Видел, как она принялась сервировать стол, за которым они сидели. Выкладывала из больших пакетов привезённые съестные припасы. Видел радость Серхио. Тогда я ещё больше проникся к нему. Ему удавалось сохранить отношения несмотря ни на что. Его семья его ценила. Вероятно, он того стоил.

Позже я наводил справки, и узнал причину его ареста. Серхио обвиняли в организации наркотрафика. Поставке крупных партий кокаина из Боливии. Через всю Аргентину с севера на юг Аргентины в Патагонию. Он не был похож на сложившийся стереотип наркоторговца из фильма про суровую мафию. Наоборот, в общении он был мягок. Если над ним подшучивали, то не обижался и шутил в ответ. Не зло. Я вообще ни разу не видел его злым или раздражённым. Всегда спокоен, приветлив. Больше похож на топ-менеджера какой-нибудь крупной компании.

Иногда вечерами я задумывался о тюрьме. Не о заключении в целом, а о конкретно этом павильоне. До меня как будто доходил весь сюр ситуации: я, в Аргентине, сижу в тюрьме, играю в пинг-понг. Мог ли я раньше даже подумать о том, что со мной произойдет такое?

Это может показаться странным, но в этом павильоне мне даже по-своему нравилось. Там было неплохо и комфортно. Может, не настолько чисто, но на самом деле можно было сравнить эту тюрьму с санаторием. И опять же, это ведь был чистый сюр – думать так о своем заключении.

Но после карантинного блока, того постоянного напряжения, которое я испытывал там, в этом мне было довольно спокойно. Там общался с Эрнаном, вечерами ужинал в компании с другими заключенными. Размеренно проводил день за днем. И играл в пинг-понг.

Тюремный бизнес.

В тюремной системе провинции Кордоба ты можешь провести долгое время. Во-первых, это связано с тем, что в судах мало персонала, а дел слушается очень много, система перегружена.

Во-вторых, бизнес-составляющая. На каждого сидящего выплачивают деньги

из бюджета. На тех, дела которых рассматриваются в муниципальных судах, в месяц выплачивается 150-200 тысяч песо, а на тех, чьи дела в федеральном суде, выплачивается 250-300 тысяч песо. А только в тюрьме Боуэр содержится более 6000 человек. Соответственно, невыгодно, чтобы заключенные быстро освобождались. Это целый бизнес.

Эрнану я помогал оплачивать специализированные курсы. Время их прохождения шло в счёт времени нахождения в тюрьме. Один день курсов равнялся двум или трем дням заключения. То есть, ты покупаешь курс, проходишь обучение, сдаешь экзамены, и соответственно у тебя скашивается срок. Такая узаконенная коррупция. Эрнан мне рассказал, что сейчас продаются новые курсы со скидкой, ему помогает один его друг, дает ему денег, но курс стоит 30 тысяч песо, поэтому остаток он собирает по друзьям. Одиндал 10 тысяч песо, другой - 5 тысяч песо. Ну и я сказал, что тоже дам ему 15 тысяч песо.

Кажется, он учился маркетингу.

Курсы там были разные. Маркетинга, столярного мастерства, чего только не было. Обучение продавалось периодами. Невозможно было сразу купить все и скостить срок до минимума. Сегодня продавался один, через несколько месяцев другой.

Эрнан, на самом деле, был большой молодец. Несмотря на происходящее вокруг, он реально 1,5-2 часа в день изучал что-то, сидел и писал. Иногда я заходил в камеру и заставлял его за учебой. А когда мы находились вместе, это всегда были бесконечные разговоры. С сигаретами и мате, или с кофе. И когда я понимал, что сейчас мы начнем разговаривать и он отвлечется от занятий, я закрывал дверь и уходил. Чтобы его не отвлекать. Он реально целеустремленный, не такой, как обычный аргентинец. Они, в основном, в пинг-понг играли, жили одним днем, как дети. А Эрнан действительно

понимал, чего он хочет.

Еще, он был очень сильным эмпатом. Очень хорошо чувствовал других людей. Положительные и негативные качества. Эрнан ярко подмечал именно негативные свойства.

В целом, я этого опасался. Думал, что это сейчас я для него хороший, а что-нибудь произойдет, и я сразу стану для него плохим. Поэтому, с одной стороны, я старался с ним открыто говорить, а с другой, соблюдал границы, за которые его не пускал, чтобы отношения не испортились. И когда мы распределялись, кто с кем будет сидеть за столом во время ужинов, я сел отдельно от него.

Через несколько дней после суда, Эрнан, как обычно, заглянул ко мне в камеру. Накануне вечером мы долго говорили с ним об адвокате, о том, как может повернуться дело. Я подумал, что он хочет снова поговорить об этом. Но оказалось, что Эрнан пришел с предложением. Его соседа по камере утром выпустили, и он подумал, что его место мог бы занять я.

Я колебался. С одной стороны, мы и так виделись каждый день, и было бы удобнее переехать в его камеру, все равно ведь нам все время есть, что обсудить и мы постоянно ходим друг к другу. С другой – я боялся именно того, что через какое-то время Эрнан увидит во мне что-то негативное, и дружбе придет конец. Поэтому я так и ответил: «Ты мой друг, и я не хочу портить с тобой отношения. Подумай еще раз, действительно ли ты хочешь, чтобы я переехал?» Он ответил: «Да, я хочу». Тогда я согласился.

Мне на тот момент так было даже лучше. Потому что на первой неделе я в камере на троих жил один, на второй неделе появился еще один чувак, инженер, а еще через неделю ещё один чувак. Камера была забита, много вещей – мои и чужие, мне уже было не так удобно. Ну, и если Эрнан понимал меня во многом без слов, то с теми двумя мне было сложнее общаться.

Конечно, перевод в камеру Эрнана в тот момент для меня был удобнее.

Разные судьбы

Как и в прошлой тюрьме, в этой дни проходили один за одним, но границ между ними почти не ощущалось. Распорядок дня был нехитрый: листа, душ, небольшая прогулка, завтрак. Вечером то же самое. Телефонные звонки, поскольку они были одним и тем же людям, тоже сливались – спроси меня, и я не сразу бы ответил, когда я что-то обсуждал с женой – вчера, или позавчера?

Хоть какое-то разнообразие этому кисельному состоянию придавали нечастые знакомства с новыми людьми, к которым я не подходил до этого, и их истории. Иногда, поговорив с кем-то, вечером я уходил в себя – думал про историю этого человека, про то, что с ним будет дальше.

Когда ты слышишь, за что человек попал в тюрьму, первое, о чем думаешь: вот урод, да? Но потом, когда сам оказываешься с ними за решеткой, начинаешь общаться, уже пытаешься не поверхностно делать выводы, а понять мотивы. Почему он это сделал? Как до этого дошел? И многих начинаешь понимать.

Хотя, были и такие, кого я не понимал совсем. Например, был Карлос, бывший начальник пожарной службы Кордобы. Работать в государственных организациях в Аргентине считается не то, чтобы престижно, но надежно. Стабильная зарплата, премии, много льгот. Поэтому многие стремятся устроиться кто уборщиком, кто водителем автобусов. Кто в пожарную службу.

Среди желающих работать там, было много девушек. Чем Карлос и пользовался. Он принимал их на работу через постель. Кто-то быстро

соглашался на сделку и без проблем сразу выходил на службу, кто-то отказывался. Отказавшихся он насиловал. Одна из девушек, которая отказалась и была потом изнасилована, не выдержала этого, и покончила с собой. За это Карлоса и посадили. И найти понимания его действиям я в себе так и не смог.

Другим же заключенным, наоборот, я мог симпатизировать, потому что мог понять их и посочувствовать. Например, в тюрьме был такой парень, Турко.

Мы познакомились с ним в первый день моего заключения в «благополучном» павильоне. Я уже успел рассказать о том, что во время карантина у меня успели украсть кроссовки. Я уже не помню, что я тогда делал. То ли сидел на стуле и курил «Парламент», который мне подарил Фернандо, то ли лежал в койке и курил его же. Помню только, что в тот момент я отдыхал и наслаждался покоем. Но тут в дверь постучали:

– Привет, Русо. Это тебе.

В камеру вошёл здоровый араб лет сорока и протянул мне чёрные с белыми полосками кроссовки «Адидас».

– Но несесито. Грасиас.

– Бери. Они большие. Но ты сможешь тренироваться. Меня все называют Турко.

Он поставил кроссовки на пол и вышел. Я не ожидал такого тёплого приёма. Сначала Фернандо отдал мне сигареты, мате и комплект постельного белья. Затем латинос Монтанио сделал мне свет в камере. Потом Эрнан заходил поболтать, рассказав, как ему нравятся русские. И что он наполовину итальянец, а наполовину француз и это ближе к русским, чем аргентинцы. А теперь ещё и Турко подарил мне свои кроссы.

Периодически после этого мы с ним пересекались. Иногда он мне помогал.

Эрнан рассказал мне историю Турко. Тот занимался выращиванием конопли. У него была большая плантация, это давало хороший доход и не требовало много сил на работу. К нему регулярно приезжали и закупались. Он был хорошим человеком, Эрнан даже считал его лучшим в павильоне. Большой, улыбчивый, добрый. Разве что, очень ленивый. За все время моего там заключения, я ни разу не видел, чтобы он поссорился с кем-то или начал возмущаться. На все ситуации, которые могли бы вызвать конфликт, он реагировал одинаково: мягко улыбался и покачивал головой.

Как-то я спросил у него, правда ли, что он из Турции? На что он ответил, что нет, на самом деле, он сириец. Но всех мужчин из его семьи в Аргентине называют Турко:

– Моего отца зовут Турко. Моего брата зовут Турко. И меня зовут Турко.

– Тебя не обижает это?

– Нет, мне нравится быть Турко, – улыбнулся он.

Мог я осуждать его за то, что он выращивал марихуану и продавал ее людям? Наверное, мог бы. Но я не осуждал.

Приватные свидания

Как-то Турко поймал меня в коридоре за руку и сказал:

– Пойдем ко мне, мне нужна твоя помощь.

В камере он, сильно стесняясь, сказал, что слышал от Эрнана про то, что я психолог, и решил попросить моего совета. Что у него проблемы с девушкой – она редко к нему приезжает, и совсем не приходит на приват-свидания.

В тюрьме раз в две недели проходили приват-свидания.

По определенным дням, к заключенным приезжали их жены или любовницы

для уединения. Расписание было: с 9 до 12, и с 14 до 17. То есть, в течение трех часов заключенный по предварительной записи мог воспользоваться специальной приватной комнатой.

Некоторые наши ребята из павильона ходили туда...

Поначалу я про это не знал. Но однажды один из заключенных вернулся в павильон вечером, после пяти. Я обратил внимание, что другие стали хлопать его по плечу и посмеиваться.

Я спросил:

– А что случилось?

Мне ответили, что он был на привате и вышел оттуда счастливым.

– А что такое приват?

Объяснили, что это любовные свидания, которые проходят в специальном отсеке со спальней, кухней и душем. Тот, кто приезжает, привозит с собой постельное белье и, возможно, какие-то закуски, и они уединяются с заключенным на три часа.

Запись на приват проводилась самостоятельно. У дверей в наш павильон висел листок, на котором нужно было написать дату и время свидания, данные заключенных и их любовников. Причем, те должны были заранее сдать анализы на ВИЧ и другие заболевания, отнести их в администрацию тюрьмы, и оформить разрешение на приватные свидания.

Я спросил Турко, а что его девушка говорит насчет всего этого? Как объясняет то, что не приезжает к нему?

Тот ответил, что она стесняется.

Я уточнил, серьезно ли он это говорит? Турко сидит в тюрьме уже два года, и девушка говорит, что стесняется. Серьезно? Я спросил, а сколько раз он ей

звонит?

Тот ответил, что звонит 4-5 раз в день...

Она рассказала ему, что якобы, над ней подшучивают охранники на выходе с привата, и ей неловко. Турко было 35 лет, его девушке 27, то есть, она была на восемь лет его младше. Жила в доме его отца, нигде не работала.

Проживала те деньги, что заработал Турко, прежде чем его закрыли. Могла поехать с подружками в другой город, за 200 км от Кордобы, чтобы поесть сендвичей. Но к нему в тюрьму приезжала даже не каждую неделю.

На этом моменте я сказал, что всё с ним ясно. Посоветовал сделать паузу. И какое-то время ей не звонить.

Поначалу я думал сказать ему, что это безнадежно, но я понимал: ну скажу я ему, и что это изменит? И я не стал ничего комментировать.

Потом уже, вечером, оказалось, что он пытался посоветоваться насчет своей девушки и с Эрнаном. И тот тоже не стал его ни переубеждать, ни особо комментировать. Посоветовал только быть с ней посдержанней, не звонить по несколько раз в день.

Я сам долгое время всех этих вещей не понимал. Нужны время и опыт. Либо кто-то должен за руку тебя вести и рассказывать, как нужно строить отношения. Что отношения – это не союз, а, скорее, союз и борьба. И что удар нельзя пропускать.

Но тогда Турко просто нужно было брать за руку, и не давать ему что-то делать, а руководить им, посвящать ему очень много своего времени. И я понимал, что я на это не готов. А сам вряд ли он с этим справится.

Поэтому всё, что я мог сделать – посоветовать ему хоть немног повернуть свою гордость. Хотя я и сомневался, что в целом это может помочь.

Мои товарищи по заключению все больше напоминали мне попутчиков в

поезде. Еще вчера ты ничего не знал об этом человеке, а сегодня уже обсуждаешь его интимные проблемы и пытаешься вникнуть в его любовную историю. Мы сходились в этих прокуренных камерах – молодые и взрослые мужики из разных концов мира, и делились тем, что наболело, пытались друг другу помочь. А на следующий день твоего собеседника могли уже освободить, и ты не встретил бы его больше никогда.

Прерванный видеозвонок

В этой тюрьме у нас была возможность общаться с семьей или друзьями по видеосвязи. Раз в неделю, через скайп-конференцию. Чтобы не устраивать длинной очереди, заключенных приглашали в отдельное помещение группами, по 8-10 человек. На все про все давалось 2 часа, которые нужно было разделить между собой. В 9 утра заходила одна группа, в 11 другая, и так далее, на протяжении всего дня.

Однажды Эрнан спросил, не хочу ли я поговорить с женой по скайпу? Объяснил, что для этого нужно пройти с группой заключенных, которая собралась у двери.

Мы вышли из павильона, прошли по коридорам и дошли до небольшого кабинета. Там стояло несколько старых компьютеров - 4 или 5, за которыми сидела предыдущая группа звонящих. Они громко прощались с собеседниками, перекрикивая друг друга.

Наконец, они закончили, и пригласили нашу группу. Чтобы позвонить жене, мне нужен был аккаунт в скайпе, но у меня его не было. Эрнан предложил мне позвонить с его компьютера, но почему-то поиск в скайпе не сработал, и я не смог найти ни аккаунта жены, ни делового партнера. У Эрнана на счете были подарочные деньги, которые скайп начисляет при регистрации, что-то около 5\$. И тогда я просто позвонил жене со скайпа на мобильный телефон.

Разговор получился коротким, 5\$ хватило всего на несколько минут. На полуслове связь оборвалась, и возможности снова набрать жену не было. Я сидел за компьютером, смотрел, как другие заключенные общаются с близкими и улыбаются...

В тот момент я в очередной раз вспомнил историю про одного русского, который находится в Аргентине в ожидании экстрадиции. Его также искал Интерпол, а потом его задержали. Он уже больше двух лет сидит в тюрьме, его и не экстрадируют, и не отпускают. Тоже не знает языка. Знакомый, который к нему приезжал, рассказывал, что у него даже одежды толком нормальной не осталось, вся истрепалась...

Мы пошли обратно в камеру. Эрнан молчал, только легонько сжал мое плечо: не расстраивайся так сильно, мол. Но в тот момент я действительно остро чувствовал свою уязвимость.

Это был не первый звонок жене. До этого мы общались через Надежду. Но, когда мы созванивались через чужой мобильный, нам почти никогда не удавалось по-настоящему поговорить. Это были короткие, сухие отчеты и планы, строго по делу. Поэтому я очень надеялся на видеозвонок по скайпу, когда я смогу увидеть детей, посмотреть в глаза жене.

За те несколько минут, что мы говорили, жена успела предупредить, что у нее есть опасения насчет Надежды. Что та каждый раз говорит разные вещи. И что не стоит ей слишком доверять. Рассказала, что партнер по бизнесу в удрученном состоянии – в компании проходит проверка, и он сильно переживает.

Этот тревожный разговор, то как он оборвался на полуслове, невозможность тут же перезвонить – все это погрузило меня в тяжелые мысли. В голову лезли только негативные сценарии: что я потеряю бизнес, потеряю команду, потеряю деньги. Я уже представил, как выйду на свободу, а у меня ничего не

останется и мне больше нечем будет заняться. В общем, накатило. Когда я вернулся в павильон, я долго сидел в камере и курил.

В воскресенье, когда мы сидели за общим столом, ко мне подошел пожилой аргентинец лет 60-ти, Густаво. У него был автосалон, и он сидел за отмывание денег. Сказал, что завтра ко мне из Буэнос-Айреса придет адвокат. Я подумал, что это бесплатный защитник. Почему-то мы с Эрнаном решили, что это женщина, и постановили, что я должен одеться поэлегантнее.

Однако чуть позже Эрнан сказал, что проанализировал ситуацию и решил, что это вряд ли бесплатный адвокат. С какой стати? Кто ему будет оплачивать эту поездку? Возможно, кто-то решил втереться в доверие, чтобы заполучить доверенность?

На следующий день мы с Эрнаном пошли на встречу с адвокатом. Когда я уже ожидал увидеть женщину, оказалось – это мужчина. Лет 55-ти, пузатый, невысокий, с бегающими глазками. Эрнан сразу сказал, как отрезал, что это – мошенник, это жулик.

Неназванный визитёр и верная Марта

В общем, Эрнан начал разговор с адвокатом, а я присел рядом, пытаюсь понять, о чем они говорят. Было похоже на допрос с пристрастием:

– Ты кто такой? Зачем пришел?

Адвокат ответил, что он от моей жены.

Эрнан, тут же: – Как зовут жену?

Я подумал, что скорее всего и правда оттуда ветер дует. Когда-то я

познакомился с русским парнем в Аргентине, который еще до моего ареста говорил, что у него есть проверенные адвокаты. Уже сидя в тюрьме, я дал его телефон жене. Видимо, она с ним созвонилась.

Я не мог детально объяснить это Эрнану, поэтому сидел и наблюдал, как он допрашивает адвоката.

«Почему ты не знаешь имя жены?», «А сколько тебе заплатили?», «Кто тебе оплатил перелет?», «А проживание в Кордобе?», «Почему ты пришел без переводчика?», «Что ты пришел обсуждать без переводчика?».

Адвокат вообще рассчитывал на быструю встречу, что я подпишу доверенность и на этом его работа будет сделана. Но не тут-то было. Мы сказали адвокату, что, во-первых, пусть принесет письмо от жены, а во-вторых, что я уже работаю с Кристианом. Но он не очень хотел светиться в деле. Поэтому я сказал, чтобы они с ним связались, и если Кристиан мне подтвердит, что они действуют в моих интересах и он согласен со стратегией, то будем работать.

На этом мы распрощались. Мы заметили, что адвокат разочарован встречей, но пытается сохранить лицо. Вышел, обнял на прощание, улыбнулся: завтра увидимся.

Он приехал на следующий день с молодым коллегой. Они привезли письмо от жены, что это адвокаты от того русского парня. В письме она писала, чтобы я сам принял решение, работать с ними, или нет. А я не мог ничего решать, пока не знал их условий. Спрашивал у адвоката, он сказал, что это обсуждается с женой, и мне просили не говорить. У меня не было другого защитника, доверенность была сделана на бланке фирмы Кристиана... в общем, я все подписал.

Самым сложным в тюрьме было то, что ты никогда не знаешь, кому можно доверять и что происходит снаружи на самом деле.

Мне все время говорили: верь, никого не слушай, верь. А чему верить, если я не могу получить внятную информацию? Это сильно выматывало. Я начинал смиряться с обстоятельствами. А это лишало воли.

Например, мне сказали, что в какой-то день мой адвокат поехал с бумагами в Буэнос-Айрес, а потом я узнал, что он в этот день был в Кордобе и встречался с другими заключенными. Вроде бы мелочь. Но когда эти мелочи накапливаются, то вместе с отсутствием доверия появляется еще и чувство опасности. О цене услуг мне по-прежнему не говорили, в детали дела не посвящали. Я чувствовал себя участником какого-то эксперимента, реалити-шоу, где я не могу влиять на правила и задавать вопросов, а должен принимать на веру все, как есть.

После обеда приехала Марта. В эту тюрьму можно было приезжать либо утром, либо уже после 13 часов. Чтобы попасть до обеда, нужно было приехать к 8 утра и простоять в очереди 3 часа, чтобы попасть внутрь. Чаще всего, Марта так и поступала. Она привозила мне большие тяжелые сумки – все, что приготовила, чтобы меня порадовать. Когда я возвращался в камеру, неся их в обеих руках, даже мне было тяжело, не представляю, как она их довозила.

Я не знал, сколько пробуду в тюрьме. Как-то я спросил у Марты, сколько она будет приезжать? Когда ей это надоест? Сколько времени у меня есть?.. Она сказала, что будет приезжать, пока я нахожусь здесь.

Я просил её связаться с Кристианом, мы говорили о делах. Еще я писал через нее письма. Один раз передал письмо для партнера, для своей помощницы. Какие-то сообщения передавал жене.

Марта могла пол ночи готовить для меня еду, прилечь на пару часов, чтобы поехать к восьми утра в тюрьму. Конечно, мне были очень важны ее приезды. Эта забота, готовность потратить свое время, лишь бы сделать мне

приятно, очень поддерживали. Я знал, что где-то за пределами тюрьмы в Аргентине есть человек, которому не все равно. И это не давало сломаться.

Русо бомба

Человек привыкает ко всему. То, что изначально кажется ужасным и невыносимым, со временем становится новой реальностью. Мои первые дни в тюрьме были похожи на транс: я не мог уложить в голове происходящее, общался и совершал какие-то механические действия на автопилоте.

Примерно через месяц после «заселения», я в тюрьме обжился.

Окружавшие меня заключенные из безликой массы начали превращаться в реальных людей. У них как будто проявлялись лица и характеры. Эрнан. Гринго. Турко. Кого-то, как Эрнана, я даже мог уже назвать своим другом.

Сама тюрьма из огромного непонятного места постепенно превращалась в обжитое пространство. Зал, где мы ужинали за общим столом, стал уже знакомым и привычным. Патио с теннисными столиками было как будто внутренним двором у дома, где знаешь каждый угол и все стоит на своих местах.

Постепенно и охранники, которые сменялись по несколько раз в день, стали знакомыми, и среди них также начали выделяться отдельные персонажи. Их распознавание произошло в последнюю очередь. Отчасти потому, что в этой тюрьме охранников было очень много, они сопровождали нас повсюду.

Отчасти, потому что все они были одеты одинаково и старались вести себя максимально нейтрально, сливаясь с фоном.

Но были и те, что выделялись. Например, высокий полный аргентинец, любивший выкрикивать мне вслед: «Русо!». Я мало обращал внимания на такие выкрики, в конце-концов, это было не столько обидным, сколько

показывало уровень интеллекта того, кто кричал. Но однажды к выкрику «Русо!» он добавил громкое: «Бомба! Русо! Бомба! Ба-бах!».

Так повторилось несколько раз. Встречая меня тут и там, он все время, как попугай, выкрикивал про русского и бомбу. Однажды, меня это все-таки достало.

Во время вечернего обхода, когда он снова повторил свой искрометный номер, громко крикнув мне вслед, я жестом подозвал его поближе. Он подошел. Я спросил его:

– Амиго, а почему ты кричишь мне «русо», разве ты не знаешь моего имени? Ты – охранник, твоя обязанность знать, кого и как зовут.

Он внезапно очень растерялся, стал отводить взгляд в сторону. Я говорил на повышенных тонах, другие заключенные и охранники замерли и с интересом наблюдали за происходящим. Все больше входя в раж, я уже почти кричал:

– Это твоя работа, ты получаешь за это деньги! Тебе сложно выучить как меня зовут? Обращайся ко мне по имени, иначе я буду решать вопрос с администрацией тюрьмы!

Он промолчал и ничего не ответил. Но с тех пор больше никогда не кричал мне вслед.

Помимо ежедневной, стандартной охраны, в этой тюрьме были и группы быстрого реагирования. Иногда в павильон прибегали группы в масках, в «берцах», с металлическими дубинками. Строили в шеренгу, заставляли раздеваться, осматривали синяки. И несколько раз уводили заключенных из камеры. Одного молодого парня вывели и побили. Когда он возвращался, то хромал и еле тащил ноги.

Среди охранников были и женщины. Но они не допускались в мужской павильон. Я видел их только, когда проходил по коридорам, идя на видеосвязь или встречу с адвокатами. Не думаю, что дело было в разнице

физической силы и поэтому женщин-охранниц не пускали в наш павильон. Скорее всего, так хотели исключить любовные связи.

Форма у охраны была похожа на военную: синие брюки и рубашка, пиджак или китель, на нём звезды на груди, которые различались в зависимости от звания. У некоторых на лацкан был приколот значок с флагом Аргентины.

Большинству из наших сторожей было все равно, что с нами происходит. В павильоне могли отключить электричество и мы часами сидели в полной темноте. Охранники на просьбу разобраться могли только кивнуть головой, или вовсе отмахнуться: «ждите, вызвали электрика». Как ни в чем не бывало, они сидели в своих будках, читали журналы, играли в телефон, ели.

В свою очередь, мы для них были той самой безликой массой, если только не выделялись чем-то. Сколько таких как мы, они повидали здесь за много лет...

Семья Эрнана

У Эрнана была жена и двое маленьких детей. К моменту ареста они расстались и жили по отдельности. У него уже была другая девушка, но он продолжал содержать семью.

С тех пор как его арестовали, то есть, за 5 лет, семья приезжала к нему всего три раза. Один – в первый год ареста. Два других – когда жена приезжала подписывать документы, связанные с детьми. Последние полгода она даже не отвечала на звонки. Он не мог общаться с детьми.

В одной из папок, которые Эрнан держал на столе, хранились распечатанные детские фотографии, 5-6-летней давности. Он любил поговорить о детях, о том, как они росли. Про жену рассказывал, что она нашла себе нового мужчину и уехала жить в другой город, в 100 км от Санта Фе. Эрнан переживал, что не может общаться с детьми. Что жена не отвечает на его

звонки, игнорирует.

Однажды, после того как он поделился своими грустными мыслями, я решил, что нужно попытаться ему помочь. Предложил написать жене письмо. Эрнан упирался, говорил, что это бессмысленно, все равно не прочтет, такой она человек.

Я ему сказал: «Эрнан, если ты будешь постоянно думать о ней с негативом, эта ситуация не изменится. Так ничего не решить. Давай-ка ты подумай, что у вас было хорошего».

Он сопротивлялся, говорил, что ничего хорошего не было. Но я попросил его постараться.

Через несколько дней он спросил меня, что можно ей написать? Я предложил начать с эпизода, который был радостным для обоих и который был бы важен для жены.

На следующий день я проснулся и увидел, что Эрнан сидит за столом и что-то пишет. Сказал, что письмо жене.

Обращение получилось довольно сдержанным. Он просил сообщить, что все живы и дети в порядке. Что он знает, что у неё были проблемы, и интересуется, удалось ли их решить.

Решили передать через знакомого адвоката. Эрнан отдал ему письмо, тот сфотографировал, и по ватсапу отправил его жене. Дальше оставалось ждать реакцию. Если она не заблокирует номер адвоката, значит, дверь приоткрыта и можно дальше ситуацию аккуратно развивать. Если заблокирует, то это сложнее. Но нужно попробовать.

Письмо отправили. Жена не заблокировала адвоката.

Прошла ещё неделя, и я предложил Эрнану попробовать ей позвонить. Он отказывался: мол, зачем я позвоню, она всё равно не ответит. Я настаивал.

Позже, когда он все же позвонил, жена сказала, что как раз хотела бы поговорить с Эрнаном, потому что планировала через полгода уехать жить в Италию, и ей нужно было его разрешение на вывоз детей за границу. Эрнан сначала негативил: как так, она увозит детей, я же их больше никогда не увижу! Я его успокаивал.

– Эрнан, успокойся, всё хорошо. Посмотри на ситуацию с другой стороны. Сейчас тот момент, когда ей от тебя что-то нужно. Пока ей от тебя что-то нужно, она будет на связи. Пока она будет на связи, ты сможешь общаться с детьми. Не отказывай сейчас ей в просьбе. Скажи, что это хорошая идея, но тебе нужно время, чтобы всё обдумать. Не спеши подписывать, но и не отказывай. Таким образом, ты откроешь себе контакт для общения с детьми. В общем, используя ситуацию, мы добились того, что Эрнан смог звонить им раз в два дня. И общаться с детьми по телефону.

Однажды Эрнан похвастался, что звонил на выходных жене, и они проговорили 30 мин по телефону. Такого давно не было. Я спросил, о чём она говорила. Он сказал, что она снова рассказывала про поездку в Италию, спрашивала, что Эрнан думает по этому поводу. И это очень хорошо, что она начала это с ним обсуждать. Значит, сама в этом начала сомневаться. И если ей нужно услышать его мнение, значит, он становится для неё важным.

Я сказал, что Европа сейчас для жизни херовое место. Потому что находится в эпицентре мировой войны. Если физически её война не затронет, то экономически им точно будет плохо. Аргентина сейчас более безопасное место, потому что находится в стороне.

Эрнан передал это жене, и зародил в ней справедливые сомнения.

Постепенно, они начали общаться чаще, и с большим доверием. Теперь он был на связи с детьми. Так мы изменили его ситуацию с полного игнора, на дружеское общение когда-то близких людей...

Лучшие люди Аргентины

По вечерам мы с Эрнаном рассказывали друг другу истории из прошлого. Но в тот момент не было ни прошлого, ни будущего, все сливалось в серую массу.

Время в тюрьме ощущалось от звонка до звонка. Обычный разговор по телефону был очень важен. Потому что в остальном – полное отсутствие информации и изменений. Мы могли часами обсуждать сплетни о заключенных, в мельчайших подробностях, чтобы как-то заполнить эту сосущую пустоту.

Были моменты, когда накрывало – вспоминались фрагменты прошлого. И понимание того, что обычная жизнь недоступна, ты находишься как будто бы в коме, сильно высушивало. Оставались либо яркие моменты, либо тяжелые. А поводов для радости там практически не было. Поэтому цепляешься за любую эмоцию. Например, когда обыскивали камеры и всех выводили, в толпе чувствовалось единение. После все ходили, помогали друг другу наводить порядок, обнимались. В обычной жизни это было бы дико, а там – способом держаться.

Возможности общаться с женщинами там, естественно, не было. Женщины были закрыты в других корпусах. Я заметил, что на приват и вообще к заключенным приходили в основном невзрачные, не очень красивые женщины. Это еще одно отличие аргентинцев от русских. Женщины в России более преданные. Муж попал в тюрьму – она будет его поддерживать и ждать. Даже если она первая красавица. А здесь симпатичная женщина сразу начнет строить жизнь заново, никого не дожидаясь – у нее много других вариантов.

В дни визитов в тюрьму разрешали приходить родственникам. Им был позволен прямой контакт – они могли обняться, поцеловаться. На такие

свидания приводили детей. И они могли 5-6 часов проводить в семейном кругу. В уличном патио корпуса был оборудован детский уголок, с качелями и горками.

Я думаю, это было важным событием и для заключенных, и для семьи. В среднем один день раз в неделю они могли проводить вместе. Иногда я задумывался: хотел бы я, чтобы в тюрьму приходили в гости мои дети? Как им можно было бы все объяснить? И понимал, что, да, мне бы очень хотелось их обнять. И наверное мы с женой просто не стали бы им объяснять, что такое тюрьма.

Эрнана расстраивало, что жена не привозила детей. И говорила, что папа плохой, находится в плохом месте с плохими людьми. Это предвзятое отношение к тюрьме и заключенным... Когда-то и у меня оно было. Но, оказавшись в заключении, познакомившись в тюрьме с разными людьми, я изменил мнение. Каждый человек совершает в жизни ошибки. Кому-то чудом удается избежать последствий, но ошибки совершают все. И кто-то расплачивается за ошибки в тюрьме. Но от этого он не становится худшим человеком.

Я даже думаю, что в том павильоне, где я находился, большинство были лучше, чем люди на воле. Лучше, чем адвокаты. Да, там были мошенники, но и на воле много мошенников. Это прозвучит громко, но так и есть: в этом месте я видел лучших представителей Аргентины, собранных в одном пространстве.

Там был чувак, который организовывал вечеринки на тысячи человек. Его звали Родриго. Ему лет 60, но у него молодые глаза. Эрнан рассказывал, что до тюрьмы он активно встречался с молодыми девушками 25-лет, он сам, как ребенок, несмотря на возраст. Мы часто играли с ним в домино. Он загорался, так ему было интересно. Легко представить, что он был организатором фиест, тусовщик.

Или вот тот самый Хосе из Уругвая, с голубым вертолетом. У нас как-то произошел случай. Подошло время моего турно, я подошел, а он все еще разговаривал. Я показал жестами, мол – закругляйся. А он тычет в телевизор. Я не понял. Спросил у других заключенных, мне объяснили, что у него в прямом эфире сейчас берут интервью. То есть, он стоял в тюрьме перед старым аппаратом и в телефонную трубку отвечал на вопросы.

В павильоне было много известных людей. С которыми в обычной жизни просто так не пообщаешься. А я общался с ними ежедневно. И более того я сам производил на них впечатление. И это тоже было приятно. Поднимало самооценку. Когда ты видишь, что производишь впечатление на людей, которые были значимы по меркам Кордобы, Буэнос-Айреса, Аргентины.

Привет от психолога

Больше всего в тюрьме мне не хватало эмоциональной поддержки и близких людей рядом. Все остальное можно было пережить.

В какой-то момент я понял, что хочу поговорить с мамой. Решил отправить ей голосовое сообщение через Надежду. О том, что меня арестовали... Она до сих пор не знала о том, что это случилось. В том числе и потому, что моя жена не хотела ей ничего рассказывать – у них были сложные отношения, и она не хотела, чтобы все стало еще запутаннее. Все надеялись на то, что я скоро выйду, и мы оставим от мамы в секрете, что я вообще сидел в тюрьме.

Через Надежду я договорился созвониться. Это произошло через несколько дней. Как и всегда, через две трубки: я что-то говорил по телефону, а наш связной, Надежда, через громкую связь транслировала это маме... Разговор вышел скомканным. Мама явно не знала, как реагировать на мои новости, и отвечала формально и односложно. То тепло, которое я надеялся почувствовать, та близость, которую я ждал, так и не проявились. Мы сухо

поговорили, обсудили факты, и повесили трубки.

Я вернулся в камеру и задумался о том, как часто бывает, что именно с родными и близкими мы общаемся натянуто и будто формально. Мы можем признаться друзьям, как сильно их любим и скучаем, а для родных как будто не находим слов. О моем заключении сейчас знали уже и мама, и младший брат. Но ни с кем из них мы так и не смогли тепло поговорить. В отличие от мамы, брат уже довольно долго все знал. Но предпочитал сохранять вид, что не происходит ничего особенного. Как будто самоудалился из ситуации.

Я старался никого не осуждать. Это не так просто понять и принять, когда твой близкий попадает за решетку, и мои родные могли не быть готовы к таким новостям. В такой сложной ситуации, когда понимаешь, что ничего сделать не можешь, проще отстраниться. И реагировать каждый может по-разному, кто-то более эмоционально, кто-то менее.

Несколько недель назад я звонил жене, и она сказала, что вместе со старшим сыном едет на похороны. Умер его биологический отец. Жена рассказала, что сын долго не хотел туда ехать – они уже многие годы не общались с отцом, тот никаким образом не участвовал в жизни сына. Сказала, что со слов сына, он считал отцом меня. Но я ответил, что отец у него в любом случае был, и жаль, что он умер, и жаль, что он так и не сможет познакомиться с ним и узнать его. Пока он был жив, во всяком случае, был шанс когда-то в будущем это сделать. А сейчас мне жаль, что такой возможности для него больше нет.

Так обычно ведь и бывает: когда возможность есть, ее не сильно ценишь. В частности, возможность узнать по-настоящему своих близких. А потом случается так, что эта возможность теряется. И уже ни при каких обстоятельствах ситуацию нельзя изменить. И нельзя наверстать то, что было упущено.

Я размышлял об этом, сидя в тюремной камере, за тысячи километров от

своих родных. Пытался понять, что я со своей стороны могу сделать, чтобы все изменить? Мне хотелось почувствовать их рядом, обнять. Но вместо этого мы только перекидывались обрывочными фразами в телефонные трубки... В тот момент я снова остро почувствовал свое одиночество и оторванность от жизни. Как будто меня закинули в вакуум, где ничего не происходит, и надо просто терпеть, день за днем.

Когда-то у меня был друг-психолог, я обращался к нему за советами, а одно время мы даже работали вместе. После того, как я уехал из России, наше общение с ним прервалось. Но уже сидя в тюрьме, однажды я снова услышал его имя – Марта, как обычно, привезла мне сумку с продуктами и передала небольшую бумажку. На ней было сообщение от него. Он написал смс моей жене, та передала его Марте, а Марта распечатала и принесла его мне.

На бумажке было написано: «Я знаю, ты – сильный человек. Это испытание ты можешь выдержать».

В моменты, когда на меня накатывали эмоции, это сообщение мне очень помогало. Я спрятал эту бумажку в куртке, и, когда мне было тяжело, доставал ее из кармана куртки и перечитывал это сообщение. Оно меня поддерживало.

Финал

На следующий день у меня была очередная встреча с адвокатами. Как всегда, сначала мы в сотый раз повторили то, что было очевидно. Прежде всего: что лучше решать ситуацию на территории Аргентины и четко следовать этой стратегии. Уже напоследок они как бы между прочим бросили фразу о том, что моя экстрадиция заблокирована и они уверены, что меня скоро выпустят.

Как только блокируется запрос экстрадиции, тебя могут отпустить на свободу. Точнее, могут отпустить, а могут и не отпустить. Это не регламентируется ни аргентинским законодательством, ни международным правом, все на усмотрение судьи.

Честно говоря, в тот момент наш разговор не прибавил уверенности, потому что это обсуждалось уже не раз. И многое зависело от человеческого фактора, то есть, от позиции судьи и от личных контактов с ним адвокатов.

В день визитов, в пятницу, 19 августа, когда оставалось несколько минут до конца свидания, мы сидели с Мартой в патио на скамейке. Она, как обычно, принесла мне пакеты с гостинцами и записки от родных и партнера по бизнесу. Все шло, как всегда.

И так же обыденно, будто ничего не случилось, ко мне подошел охранник и только и произнес: «Ты свободен».

Я не знал, как реагировать. Просто сидел на скамейке, молчал, и пытался поверить в то, что услышал. Другие заключенные, которые были в тот момент в патио, начали подходить ко мне. Одни жали руку, другие обнимали. Через какое-то время – я не понимал, сколько прошло с момента, когда охранник произнес эту фразу – ко мне подошли люди в форме и сказали: «Давай побыстрее».

Я попросил дать мне полчаса. Вещи собрать, с людьми попрощаться.

Мне ответили: «У тебя две минуты».

Голова кружилась, я действовал на автопилоте. Пошел в нашу камеру с Эрнаном... стал собирать вещи. Заключенные продолжали подходить, поздравляли, говорили какие-то напутствия. Уже Эрнан вышел за дверь и сказал, чтобы все ждали. Вернулся обратно и сам стал мои вещи кидать в мешки. А я останавливал, говорил: нет, оставь это себе, это оставь тому, это пусть будет этому. Продукты, сигареты, телефонные карты, которые мне

привезли, я, конечно, не стал забирать, все оставил Эрнану.

С одним мешком, который еще и порвался, я пошел на выход и уже по дороге решил, что надо по-человечески попрощаться с людьми, которые там оставались. Я попросил Эрнана, чтобы он пошел вместе со мной в общий зал и помог мне с переводом. Он громко выкрикнул: «Эй! Собираемся! Русо хочет поговорить!». Весь наш павильон, все 50 человек собрались, и я сказал...

Назвал несколько имен, сказал, что с этими людьми я общался особенно тепло, и что они для меня важны. Но и каждый из этого павильона, с кем мы сидели, занял место у меня в сердце, и я их буду вспоминать. Поблагодарил за помощь.

На какое-то мгновение возникла пауза, все молчали. А затем, сначала один, а потом все вместе, начали аплодировать. У кого-то я заметил слезы на глазах. Все снова подходили ко мне и обнимали. Даже те, с кем я не очень хотел бы общаться... Провожали тепло.

Я знал, что с некоторыми из них мне еще предстоит пересечься. В этом павильоне находились интересные люди. Предприниматели, адвокаты, политики. Каждый из них имел связи и возможности. И со многими из них у меня сложились теплые отношения, которые мне еще пригодятся.

Кивнув на прощанье, я вышел к охранникам за пределами павильона. Мне дали подписать какую-то бумагу с отпечатками пальцев. Повели по коридорам в сторону выхода. Коридор был тот же самый, по которому вели на встречи или в медкабинет, но дальше была развилка. Каждый раз, когда я бывал там и проходил мимо нее, я смотрел в сторону выхода и думал: когда же я уже пройду туда?..

И вот, наконец, я шел. Охранник довел меня до последней двери. До выхода из тюрьмы.

За дверью был обычный мир. Синее небо, солнце, трава. Тот мир, из которого я выпал на четыре месяца. Тот мир, куда так сильно хотел вернуться. За моей спиной лязгнула тюремная дверь. Я стоял перед всем этим огромным миром, держа в руках порванный мешок с вещами, и пока не понимал, куда мне идти и что теперь делать...

PS: Это реальные истории. В них нет выдумки.

В настоящий момент автор вернулся в Россию и находится в СИЗО в ожидании приговора.

Главная цель этого проекта - обеспечить семью.

Если вам понравилась книга, вы можете поддержать проект и семью Олега.

Автора можно поддержать по ссылке:

<https://skyline-oleg.ru/product/money/>